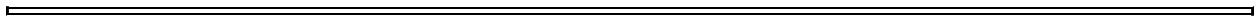


- Ниберг Бъерг , Де Камп Спрэг

○



Ниберг Бъерг , Де Камп Спрэг

Возвращение Конана

**БЪЕРГ НИБЕРГ и Л. СПРЭГ ДЕ КАМП
ВОЗВРАЩЕНИЕ КОНАНА**

События, развернувшиеся в этой повести, происходят восемь тысяч лет спустя после гибели Атлантиды и за двенадцать долгих тысячелетий до начала христианской эры.

ГЛАВА 1. КРЫЛЬ ТЬМЫ

Огромные стены королевского дворца Тарантии смутно проступали на фоне темного неба. Часовые, вооруженные алебардами и мечами, спокойно вышагивали вдоль зубчатых стен. Их взоры все чаще обращались к главным воротам дворца. По широкому подъемному мосту во двор группами въезжали нарядные рыцари и дворяне вместе с сопровождавшими их слугами. Острый взгляд мог заметить Просперо, генерала и правую руку короля, - он был одет в темно-красный бархатный костюм, расшитый золотыми гепардами, а его длинные ноги обтягивали высокие сапоги из тонкой кордавской кожи.

Через некоторое время прибыли Паллантид, командир "Черных драгун", одетый в блестящую броню, Троцеро, наследный граф Пойнтайна, снискавший славу самого изящного кавалера, графы Монарий и Котча, бароны Лора и Имири и множество других придворных. Всех прибывших сопровождали красивые юноши в богатых шелковых одеждах. Слуги группками стояли у позолоченных карет, на которых приехали хозяева, и оживленно переговаривались.

Мир царил в Аквилонии. Прошел год после попытки короля Немедии усадить на троне Аквилонии Валерия, оспаривавшего королевскую власть у Конана.

Несколько лет назад Конан сверг тирана, но интриги Немедии не затихали.

Власть короля Конана укреплялась, все больше людей сознавали мудрость и справедливость его правления. Только временами мир нарушался набегами на западную границу диких пиктских племен. Эти набеги с успехом отражали войска, расположенные у Громовой реки.

Шли последние приготовления к пиру. Сотни факелов освещали двор,

великолепные туранские ковры устилали каменные полы. Ярко одетые слуги сновали взад и вперед, раздавались громкие голоса мажордомов. Этой ночью Конан давал королевский бал в честь своей жены - королевы Зенобии, девушки, в свое время спасшей его из подземной темницы короля Немедии. Она помогла Конану бежать из подземелий Бельвераса, за что удостоилась великой чести - стать королевой Аквилонии, самого могущественного королевства к западу от Турана.

В блестящей толпе гостей сразу можно было выделить короля. Он стоял, поддерживая под руку королеву, которая на приветствия гостей отвечала с легкой непосредственностью - это казалось естественным, но на самом деле королева усвоила эти манеры лишь совсем недавно.

Король также отвечал на приветствия, как и подобало этикету, но его глаза были устремлены на дальнюю стену дворца - там висело великолепное оружие: мечи, пики, боевые топоры, булавы и дротики. Конан любил свой народ и хотел, чтобы тот жил в мире, но варварские чувства и привычки еще часто прорывались у него наружу; ему нравился вид крови, он испытывал наслаждение, когда его большой меч рассекал тело врага. Увы, теперь, в мирное время, было не до этого.

Он быстро окинул взглядом прекрасных графинь, проходивших мимо него. Предстоял конкурс красоты, однако в победе королевы мало кто сомневался. Платье с большим вырезом лишь подчеркивало совершенство ее форм, серебряный обруч подчеркивал блестящую корону из черных волос. Прекрасное лицо сияло такими врожденными благородством и добротой, какие трудно встретить в наше время. Конан был одет в простую черную тунику, черные штаны, на ногах у него были мягкие сапоги из черной кожи. Золотой лев Аквилонии сиял на груди. Единственным украшением был золотой обруч, охватывавший мощную гриву черных волос. Глядя на его гигантские плечи, тонкую талию, сильные ноги, любой бы догадался, откуда он родом.

Больше всего в короле привлекало лицо со множеством шрамов, на котором выделялись голубые глаза. Эти глаза, казалось, не обращали внимания на блестящую толпу придворных, они видели перед собой поле битвы, усеянное изрубленными трупами и обагренное кровью, варварские схватки, тайные жертвоприношения на алтарях чудовищных богов. Мощные руки одинаково хорошо владели тяжелым западным мечом, зуагирской саблей, хайборийским ножом, турanskим ятаганом - и не нашлось бы человека во всем свете, который смог бы противостоять ему в рукопашной схватке. Лишь слабый налет цивилизованности, обретенный за долгое время, скрывал его варварскую душу.

Бал начался. Конан открыл его вместе с королевой сложным па из Аквилонского менуэта. Хотя король так и не научился хорошо танцевать, врожденный инстинкт помогал ему следовать мелодии легко и изящно; разумеется, тому способствовали и несколько коротких танцевальных уроков, взятых в последнюю неделю перед балом, Придворные последовали примеру королевской четы, и блестящие пары закружились на мозаичном полу. В зале было светло и празднично. И никто не обратил внимания на легкий ветерок, от которого задрожала пламя свечей на одной из люстр. Никто не заметил, как горящие глаза, беспощадные и алчные, всматриваются в зал сквозь одно из приоткрытых окон. Таинственный взгляд был прикован к грациозной фигуре королевы. Затем глаза исчезли, и окно затворилось.

Загремел большой бронзовый гонг, извещая о перерыве. Гости, разгоряченные танцем, пили освежающее охлажденное вино и турецкий шербет.

- Конан, я хочу подышать свежим воздухом, мне здесь душно, - с этими словами королева открыла дверь и вышла на балкон. Король было направился следом за ней, но его остановила группа юношей, просивших рассказать какой-либо из эпизодов его бурной жизни. Правду ли говорят, что он был вождем легендарных гулистанцев в горах Химелии? Правда ли, что он убил кровожадного Кхара, главаря шемитских грабителей? Был ли он пиратом? Вопросы следовали один за другим. Конан отвечал на них кратко и уклончиво. Что-то неуловимое, подсознательное, внушало ему беспокойство, звало выйти на балкон к его возлюбленной супруге, хотя, казалось бы, ничто не предвещало опасности, ничто не угрожало Зенобии ни в столице, ни тем более в этом замке, окруженном солдатами и полном преданных друзей. Но король нервничал. Его не оставляло чувство надвигавшейся беды, возможной гибели... Повинуясь неведомому внутреннему голосу, он прекратил разговоры и решительно направился на балкон, где одиноко маячила фигурка королевы. Она стояла к нему спиной со слегка развевающимися от холодного бриза волосами. Конан облегченно вздохнул. Предчувствия обманули его. Он уже почти достиг балкона, когда Зенобия вдруг, буквально на его глазах, исчезла. Мрак воцарился вокруг. Ледяное дыхание пронеслось по залу, земля задрожала, и в кромешной тьме присутствующие услышали громкий крик королевы. Когда тьма рассеялась, Конан, подобно пантере, прыгнул на балкон, опрокидывая на пути гостей и столики с вином. Второй крик донесся уже издалека. Выбежав на балкон, Конан остановился. Пусто. Ничего, что могло бы вызвать подозрения... Непроизвольно Конан глянул вверх. По темному небу,

точно в фантастическом сне, скользили очертания ужасного чудовища, державшего в объятиях маленькую серебристую фигуру, в которой король тотчас же узнал свою жену. Взмах сильных крыльев, напоминавших крылья летучей мыши, уносил монстра на восток.

На мгновение Конан словно окаменел. В глазах его бушевали холодная ярость и страшное отчаяние. Когда король повернулся к придворным, они отшатнулись так ужасен был его лик. Не проронив ни звука, будто сомнамбула, он прошел через зал, опрокидывая людей, столики и кресла, попадавшиеся на пути. Прежде чем покинуть помещение, Конан на секунду задержался у стены, увешанной оружием, и решительно снял тяжелый обоюдоострый меч, который верно служил ему во многих схватках. Потом, обернувшись к присутствующим, киммериец с жаром произнес:

- Клянусь Кромом, вы не увидите своего короля до тех пор, пока королева не будет возвращена, и если этого не случится - я не достоин королевского венца. Клянусь, я найду и убью этого негодяя, даже если его охраняют все армии мира!

И Конан издал такой ужасный клич, полный горя и гнева, что зал невольно содрогнулся и лица многих из гостей сделались смертельно бледными от охватившего их суеверного страха.

Король вышел.

Просперо торопливо направился вслед за королем Троцеро, чуть замешкавшись, окинул всех горящим взглядом и тоже покинул зал.

Дрожащий голос пойнтайнской графини прозвучал в тишине:

- Что значил этот ужасный крик, от которого кровь заледенела в жилах? Так кричат только погибшие души, когда скитаются в бесконечных пустынях мрака.

Седовласый граф Рамон, ветеран пограничных войск, быстро ответил:

- Ваша догадка верна, миледи. Это боевой крик киммерийца. Такой крик он издает, когда кидается в битву с полным безразличием и презрением к смерти. Я его слышал однажды, когда шел штурм Венариума; черноволосые варвары лезли на стены, не обращая внимания на ливень стрел и сверкающие мечи обороняющихся.

Тишина воцарилась над толпой.

- Нет, Просперо, нет! - тяжелый кулак Конана обрушился на столик. - Я поеду один. Если я возьму с собой многочисленное войско, то подвергну королевство опасности. Немедийцы не забыли, как мы разбили их. Коф и Офир также не заслуживают доверия. Я поеду не как король Аквилонии - с рыцарями и уланами, а как Конан из Киммерии, известный искатель

приключений.

- Но, Конан, - Просперо обратился к королю с непринужденностью, которая была принята между ними, - ты не можешь позволить себе рисковать жизнью в опасном походе. В одиночку ты, неровен час, и не достигнешь своей цели, зато во главе пойнтайнских рыцарей ты смело встретишь любого врага. Позволь ехать с тобой!

Голубые глаза Конана жестко сверкнули, и он отрицательно покачал головой:

- Нет, друг мой. Я чувствую, что должен сам вернуть жену. Помощь моих рыцарей не гарантирует мне успеха. Ты останешься командовать армией на время моего отсутствия, а Троцеро будет управлять делами королевства. И если я не вернусь через два года - выберите себе нового короля.

Конан снял с головы тонкий золотой обруч и положил на дубовый столик. Минуту он стоял, размышляя. Троцеро и Просперо больше не пытались отговаривать его. Они знали своего короля и знали также, что он всегда выбирает пути необычайные и для простых смертных - странные. Своим варварским умом, не скованным предрассудками цивилизованной жизни, он был способен отыскать решение, заведомо недоступное ни для кого другого. Перед ними стоял не только король, чью жену похитили злодеи, перед ними был воин, готовый бороться с любыми неведомыми силами, человек, который не плакал и не бился в истерике, но затаил в своем сердце ужасную ярость и непреклонную решимость.

Пожав широкими плечами, Конан нарушил тишину:

- Я еду один! Лошадь, Просперо, и одежду купца!

- Куда ты направляешься? - спросил генерал.

- В Канарию к чародею Пелиасу из Кофа. Я подозреваю, события этой ночи разыгрались не без помощи черной магии. Это летящее чудовище не было обычной птицей. Я никогда не просил помощи у колдунов, но теперь, похоже, мне понадобится совет Пелиаса.

В это самое время, приложив ухо к замочной скважине, по другую сторону тяжелой дубовой двери подслушивал какой-то человек. Последние слова вызвали, кривую ухмылку на его лице. С вороватой улыбкой он отступил в одну из ниш в стене коридора, задрапированную тяжелой тканью. Он слышал, как дверь в комнату открылась и Конан и его друзья вышли. Вскоре их шаги прогремели по лестнице и стали постепенно затихать. Шпион выждал, пока не смолкнет последний звук, а затем осмотрелся и крадучись двинулся по коридору. Одетый в платье слуги, он пересек двор, не вызвав ни у кого подозрений. На несколько минут он

скрылся в комнате для прислуги и уже вскоре появился закутанным в широкий шерстяной плащ - в это время года ночи были довольно прохладны. Сказав пароль охраннику, он вышел через ворота и направился в западную часть города.

Никто не следовал за ним. Его путь пролегал по узким улицам и переулкам. Луна изредка пробивалась из-за туч, освещая дорогу. Стражники в остроконечных шлемах, вооруженные алебардами, парами патрулировали улицы, негромко перебрасываясь словами. Проститутки высовывались из окон и окликали запоздалых прохожих. Некоторые из самых ретивых, как правило, весьма красивые, демонстрировали свои прелести через прозрачные шали. Другие, усталые и раньше времени увядшие, и оттого сверх меры накрашенные турецкими румянами, вели себя поскромнее. Но человек торопливо продолжал свой путь, не обращая внимания на их призывы.

Немного погодя шпион подошел к большому зданию, окруженному садом. Сад был обнесен высокой стеной, но в одном месте находилась маленькая дверь. Человек четырежды стукнул бронзовым кольцом. Дверь открыл смуглый гигант Стигион, одетый в белое. Человек прошептал несколько слов, после чего быстро прошел в дом, погруженный во мрак. Светилось лишь одно окно. Дом явно принадлежал не аквилонцу. Тяжелые gobelены и картины в дорогих рамках украшали стены, причем преобладали сюжеты отчетливо восточного характера - куполообразные храмы, белые зиккураты, люди с тюрбанами на головах и в широких мантиях. Причудливые столики, диваны, покрытые разноцветным шелком, золотые вазы с экзотическими цветами вносили атмосферу роскоши и восточной экзотики.

На диване развалился большой, пышущий здоровьем человек и маленькими глотками пил вино из украшенного драгоценными камнями кубка. Небрежным кивком он ответил на приветствие вошедшего.

- Что привело тебя, Маринус? - отрывистым голосом произнес Мандар Чен, хозяин этого богатого дома. - Зачем ты ушел с королевского бала? Еще далеко до рассвета, и бал должен продолжаться. Разве что Конан поддался одному из своих варварских капризов. Что случилось? - продолжая пить вино, он пристально взглянул на Маринуса.

- Мой господин, королеву похитило чудовище, которое по воздуху скрылось вместе с ней. Король один выехал на поиски. Первым делом, чтобы узнать место нахождения грабителя, он отправился к чародею Пелиасу из Канарии.

- Клянусь Эрликом, это прекрасная новость! - Мандар Чен

приподнялся со сверкающими глазами. - Пятеро моих людей послужили пищей для коршуна. Эти проклятые собаки, "Черные драгуны", неподкупны, но теперь Конан один в чужих землях!

Он хлопнул в ладоши. Стигиец появился тихо и мгновенно, его темное лицо было мрачно и непроницаемо. Мандар Чен произнес:

- Конан Аквилонский отправился этой ночью в длительное путешествие. Он поехал один в одежде купца. Его цель - город Канария, где он собирается просить помощи у колдуна Пелиаса. Быстро отправляйся к Барракусу, который стоит лагерем у Биджи. Прикажи ему взять несколько человек, заслуживающих доверия, и пусть он убьет Конана, когда тот прибудет в Канарию. Киммериец не должен встретиться с Пелиасом. Если он доберется до этого проклятого колдуна, тот сможет уничтожить всех наших людей одним взмахом руки.

Мрачные глаза стигийца блеснули, и его обычно неподвижные черты лица исказила страшная улыбка.

- Все будет исполнено. Я давно знаю Конана, - произнес он. - Этот негодяй уничтожил принца Катума из Канариса. Я, один из немногих, кто уцелел, позднее был захвачен им в плен и продан - это я, благородный рыцарь! Долгое время ждал я мести и, если боги будут благосклонны, я убью киммерийца сам!

Его пальцы судорожно сжали рукоять длинного кинжала.

- Я все исполню, господин! - он глубоко поклонился и вышел.

Мандар Чен сел за богато украшенный столик из розового дерева. Выдвинув ящик, он достал золотой карандаш, лист пергамента и начал писать:

"Королю Ездигерду, королю Турана и повелителю Восточной империи, от верного слуги. Мандар Чен доносит: Конан-киммериец, разбойник и грабитель, отбыл без охраны в Канарию. Я послал людей убить его. Когда это свершится, я пришлю вам его голову. Написано в Год Лошади на третий день Золотого месяца".

Он подписал и запечатал письмо. Затем, не мешкая, отдал свиток стоявшему рядом Маринусу.

- Поезжай быстрей на восток. Сейчас же! Мои слуги дадут тебе оружие и лошадь. Отдай в собственные руки королю Ездигерду. Он щедро вознаградит тебя.

С удовлетворенной улыбкой Мандар Чен опустился на диван и протянул руку к золотому кубку.

ГЛАВА 2. КОЛЬЦО РАКХАМОНА

Знойное полуденное солнце огромным раскаленным шаром висело

над пустыней. Вдалеке виднелась рощица пальм. Стая грифов облепила их так, что висела, будто гроздья спелого черного винограда. Куда ни посмотри, везде, до самого горизонта, волнистый желтый песок, образующий небольшие дюны.

Одиночный всадник остановил свою лошадь в тени пальм, обрамлявших оазис. Хотя на нем был белый халат жителей пустыни, в чертах его лица не ощущалось ничего восточного. Рука, которую он поднял, чтобы защитить глаза от солнца, выглядела широкой и сильной, с небольшим остроконечным шрамом у кисти, кожа имела коричневый оттенок, но то был цвет не коренного жителя Зингары, а просто хорошо загоревшего пришельца с запада. Голубые глаза напоминали два бездонных омута. Блестящий металл просвечивал через дыру в халате и выдавал, что путешественник носил под одеждой броню. Его меч, подвешенный у седла, покоялся в кожаных ножнах.

Конан ехал быстро. За время своего пути он загнал уже четыре лошади.

Преодолевая пустыню, окружавшую Коф, варвар только один раз остановился, чтобы купить себе халат и немного хлеба и мяса в грязной и бедной пограничной деревушке. Никто не напал на него в пути, хотя многие жаждали его смерти. Но здесь, в пределах королевства Коф, лишь единицы могли бы опознать его.

Острые глаза Конана, осматривая горизонт, с трудом различили контуры домов и возвышающиеся стены. Это был город Канария. Здесь Пелиас скажет ему, кто похитил королеву. За пять лет до этого киммериец оказал услугу Пелиасу, когда тот был заключен в темницу своего врага Тзота-Ланти. Конан пришпорил черного иноходца.

- Клянусь Кромом! - прошептал он. - Я надеюсь застать Пелиаса в хорошем расположении духа. Он, наверняка, лежит пьяный на своем позолоченном диване. Но клянусь, я разбужу его!

На узких улицах и мощенных булыжником площадях Канарии мелькало множество пестро одетых людей. Зуагиры; наряженные женщины с блуждающими взглядами и руками на животе; охотники, продающие свою добычу; проститутки в красных накидках с накрашенными лицами - все вместе составляли живописную картину.

То там, то здесь толпу рассекали вооруженные слуги знатных людей, окружая паланкины, которые несли на своих плечах мускулистые рабы Кофа. Группы стражников шумели в казармах, слышался звон цепей и ржание лошадей.

Крассидус, здоровенный капитан из охраны западных ворот,

поглаживая свою седую голову и громко ругаясь, наводил порядок. Иностранцы часто приезжали в город, но редко случалось, чтобы они прибывали в таком количестве, как сегодня.

Сразу после полудня в облаках пыли из пустыни появились семеро человек. Ими руководил мужчина с умным взглядом, жиценькие усы кисточками свисали по краям его рта. Он был вооружен подобно западному рыцарю, хотя на его панцире и шлеме отсутствовал девиз. Рядом с ним на черной лошади ехал стигиец, тело которого окутывал просторный халат, а из-под халата выглядывал кончик лука. Другие были вооружены мечами и кинжалами, в руках они держали пики. Все они выглядели отъявленными негодяями, способными перерезать глотки кому угодно. Охрана их не задержала только потому, что не в обычаях Канарии было при свете дня останавливать иностранцев без основательных причин.

Тем не менее Крассидус бросил внимательный взгляд на эту семерку, которая направилась в северную часть города. Они вскоре исчезли в одной из дымных таверн.

Остаток дня прошел спокойно. Солнце бросало последние лучи перед быстро надвигающимся на город мраком, когда высокий, мощный иностранец подъехал к воротам и потребовал, чтобы его впустили.

Крассидус приказал подождать, поскольку один из охранников громко крикнул:

- Куда ты лезешь, наглая твоя рожа?! Иностранцам ночью въезд закрыт! Чтобы неповадно было нападать на мирных граждан и портить наших женщин! Назови свое имя и скажи, зачем приехал, а не то я закую тебя в железо!

Глаза иностранца блеснули; наполовину скрытый своим плащом с капюшоном, он ответил ледяным тоном:

- Мой друг, - произнес он с варварским акцентом, - и за меньшие оскорблении я перерезал не одну сотню глоток. Если мне не позволят войти, то, клянусь Кромом, я обращу в пыль эту кучу лачуг!

- Не лезь на рожон, болван! - прикрикнул Крассидус, ударяя охранника. Проваливай отсюда, дурень, я потом еще пересчитаю твои зубы! А теперь послушайте меня хорошенъко, сир! - обратился он к всаднику. - Мы не любим, когда в Канарии случаются убийства. Поэтому ворота запираются на ночь, и уж потрудитесь указать причину, почему мы, собственно, должны вам открывать.

- Я хочу видеть Пелиаса.

- Отпирайте! - тотчас скомандовал Крассидус.

Мощные засовы были выдвинуты. Два охранника не спускали с них

глаз, а третий медленно отвалил тяжелую створку ворот. Всадник проехал легким галопом, не удостоив никого даже взглядом. Пришпоривая свою лошадь, он сразу же направился в северный район.

Молодой охранник, едва сдерживая гнев, обратился к капитану:

- Мы позволили проехать этому негоднику, как будто он властитель города! Но почему?

Крассидус улыбнулся, поглаживая седую бороду.

- В твои годы редко попадаются мудрые люди. Неужели ты не видишь, что это северный варвар? Когда-то военачальник одного небольшого городка имел неосторожность захватить в плен такого же варвара. Дикарь этот скоро сбежал, а потом привел банду зуагиров и отомстил обидчику. Бандиты штурмом взяли город, поубивали людей, захватили пленных и все, что могли, разграбили и предали огню. Сдается мне, этот человек - того же сорта.

- Но сейчас он один, и бояться его... Даже если он и замышляет что-то, Пелиас узнает об этом и своим искусством не допустит...

- Теперь ты понимаешь, дурачок?

Конан знал, что Пелиас живет в замке из желтого камня в северной части города. Варвар собирался немедля навестить колдуна и, оставшись в его доме до утра, просить совета. Цивилизованная жизнь мало изменила его привычки и не изнежила ничуть. Каравай хлеба, кусок мяса и фляга зля - вот все, что нужно было королю Аквилонии. Если не было постели, он мог спокойно спать и на полу таверны. Вообще-то, в другой раз, Конан не рискнул бы посещать Пелиаса среди ночи - ведь мало ли какие силы тьмы могли прятаться в коридорах чародейского дома! Но теперь выбора не было...

Неожиданно его внимание привлекли чьи-то проклятия и вслед за этим - крик ужаса. Конан резко натянул поводья. Двери ближайшей таверны распахнулись, и на улицу выбежала молодая девушка.

Она была одета, как обычная мехрана - девица, ищущая наслаждений, верная последовательница Эрлика. Но сейчас ее простое платье было разорвано и лохмотья едва прикрывали тело. Руки покрывали ссадины, а черные волосы в беспорядке падали на плечи. Девушка затравленно поглядела на дверь, которая с треском захлопнулась за ней, и затем ее большие глаза остановились на Конане, неподвижно, подобно статуе, восседавшем на коне. Она в ужасе поднесла руку ко рту.

- А теперь расскажи-ка, что с тобой случилось, красавица? - спросил киммериец, наклоняясь к девушке. - Тебя обидели или... что?

Девушка оправилась одним неуловимым движением.

- Два пьяных солдата пытались изнасиловать меня. Я пришла купить вина моему отцу. Они и деньги отняли, - призналась она.

Глаза Конана загорелись, и он спрыгнул на землю. Его кодекс чести не позволял пройти мимо, если обижали женщину.

- Ничего, девушка, мы еще потреплем их бороды. Пошли. Они там одни?

Увердительно кивнув, она повела его к таверне. После секундного колебания она открыла дверь. Сделав два больших шага, Конан очутился внутри. Дверь со щелчком затворилась. То, что он увидел, поразило его.

Пьяных солдат не было и в помине. Вместо них, зажимая в руках мечи и кинжалы, стояли семеро абсолютно трезвых и прекрасно вооруженных незнакомцев. Решимость убийц горела в их глазах, когда, спустя мгновение, они бросились на Конана. Любой цивилизованный человек в первую секунду был бы ошеломлен, а в следующую уже лежал бы с перерезанным горлом, но варварские инстинкты киммерийца спасли его. На какую-то долю мгновения он опередил нападавших и сам перешел к действиям. Выхватывая меч, краем глаза Конан заметил, что убийцы выстраиваются полукругом, подобно волчьей стае. У него имелся только один шанс отразить атаку - перейти в нападение самому. Могучим ударом ноги варвар послал стоявшую перед ним скамейку в направлении троих противников и опрокинул их на пол. Они беспомощно барабанили, изрыгая грязные ругательства. Конан быстро уклонился, пронзив мечом одного из нападающих, и наотмашь ударил кулаком по лицу человека, который пытался броситься ему в ноги. Конан почувствовал, как голова неудачника треснула у него под кулаком и тело разом обмякло. Пользуясь неразберихой среди противников, Конан прорвал круг. Мгновенно он обхватил тяжелый дубовый стол и с силой бросил навстречу врагам.

Оружие посыпалось на пол, проклятия и стоны вновь огласили воздух. Пользуясь короткой передышкой, Конан выдернул из-за пояса кинжал. Он не стал ждать повторения атаки. Красный туман звериной ненависти застилал ему глаза, он жаждал крови. Бросившись вперед, один против пятерых, Конан жестоким ударом рассек одного из убийц на две части. Левой рукой он парировал удары кинжалов, а мечом рубил направо и налево. Он поразил еще одного - и тот свалился на обагренный кровью пол. Оставшиеся трое вели себя теперь намного осторожней. Похожий на волка главарь сделал ложный выпад, но едва не поплатился за это головой, с трудом уклонившись от мгновенного удара киммерийца. Правда, после этого он неловко растянулся на полу. Конан узнал в нападавшем Барракуса, знатного аквилонского дворянина, которого он изгнал из страны за участие

в заговоре.

В следующее мгновение двое других бросились в атаку. Одному удалось-таки обрушить удар на голову киммерийца, немного оглушив Конана и оставив на его шлеме изрядную вмятину. Искры посыпались из глаз Конана, но он порывистым ударом поразил противника, и все же тот перед самой гибелью успел глубоко ранить варвару левую руку.

Пока киммериец поспешил вытирая кровь с лица, Барракус барахтался на полу, пытаясь подняться на ноги.

Конан шагнул ему навстречу, но ноги заскользили в луже крови, и он упал. Один из убийц с радостным криком кинулся на киммерийца, поднимая смертоносный меч. Нога Конана выпрямилась, и мощный удар обрушился на коленную чашечку врага. Увидев, что тот падает, Конан тотчас подставил кинжал. Клинок с хрустом вошел в тело врага.

Уклонившись в сторону от падающего тела, Конан с кошачьей ловкостью вновь оказался на ногах, готовясь отразить атаку пришедшего в себя стигийца - того самого, которому Конан едва не размозжил кулаком голову. Смуглый гигант бросился на Конана с горящими глазами, на губах его от ненависти появилась пена. В одной руке он держал белый плащ, а в другой тяжелый длинный нож, который он швырнул в Конана с такой силой, что лезвие, ударившись о броню, пробило ее и вошло в тело киммерийца. Но Конан, даже не вскрикнув, быстро выдернул этот нож и обрушил на врага всю тяжесть своего меча. Рот стигийца перекосился от страшной боли - и гигант, застонав, повалился на пол. Конан вырвал из его тела лезвие меча и двинулся на уцелевшего главаря.

- Ты забыл свою рыцарскую клятву, когда я возвратил тебе твоё имущество, Барракус! - прорычал он. - Теперь я хочу получить твою голову за твоё предательство!

Он поправил шлем и вытер кровь, продолжавшую стекать по лицу из раны на голове. Левая рука варвара была в запекшейся крови, кровь сочилась из груди. Но жажда мести еще жарче пылала в его страшном взгляде.

В голове Барракуса вихрем пронеслись кошмарные легенды, ходившие о киммерийце, и, потеряв контроль над собой, он попытался бежать.

С грохочущим смехом Конан метнул меч, подобно дротику. Лезвие пробило броню в панцире Барракуса - и аквилонец свалился, вытянувшись во весь рост. Меч торчал из его спины, и кровь широким потоком хлестала изо рта.

Окруженный мертвыми врагами, Конан позволил себе немного расслабиться. Но голос, раздавшийся позади, заставил его снова принять

боевую стойку. Конан мгновенно повернулся, ожидая новой атаки.

Толстенький человечек стоял у приоткрытой двери, молитвенно скимая пухлые руки.

- Милосердная! Что же случилось в моем доме?! - на его лице было написано искреннее беспокойство. - Везде кровь! Мебель поломана!

В два шага Конан оказался рядом с хозяином таверны, кинжал приподнял его подбородок.

- Ты причастен к этому делу, шакал? - произнес варвар. - Они не могли устроить здесь засаду без твоей помощи!

- Милосердный господин! Они угрожали мне, обещали убить. Они сказали, что сделают все тихо и быстро...

Конан ударили по лицу с такой силой, что хозяин таверны отлетел, ударившись о дверной косяк. Он закружился на одном месте, и кровь побежала из его разбитых губ.

- Тихо! - прогремел Конан. Его гнев немного прошел. - Будь доволен, что я не содрал с тебя шкуру!

- Да! Да! Господин! - трактирщик плакал от ужаса.

- Теперь принеси вина, пока я не расстроил твой желудок и не раскроил тебе башку! Самого лучшего вина! Да еще полотенце, чтобы перевязать эти царапины!

Трактирщик торопливо кинулся выполнять приказание; ударом ноги Конан отбросил трупы, навалившиеся на скамью, и утомленно присел. Мысли роились у него в голове. Куда подевалась девушка, заманившая его? Она исчезла.

Хозяин вернулся, дрожа всем телом. Он принес бутылку вина и оловянную кружку. С нетерпеливым проклятием Конан вырвал бутылку у него из рук и опрокинул ее над своим запекшимся горлом. Осушив бутыль, он отшвырнул ее, вытер рот рукавом, красным от крови, и поднял глаза на хозяина.

- Ну, головорез! - произнес Конан. - Теперь расскажи мне, куда делась девушка, которая была здесь незадолго до меня?

Пухлый трактирщик с позеленевшим от страха лицом закачал головой.

- Знатный господин, я ни разу не встречал ее до вчерашнего дня, когда она явилась, одетая в чужеземное платье. Она переоделась наверху. Я не знаю даже ее имени.

Конан поднялся, ему не давали покоя раны, на много дней уложившие бы в постель обычного человека. Вытащив меч из ножен, он произнес:

- Проведи меня в ее комнату, и если это еще одна ловушка, ты не успеешь моргнуть глазом, как очутишься в ад!

Коленом варвар подтолкнул дрожащего хозяина к узким ступенькам. Киммериец следовал за ним, внимательно осматривая каждую щель. Трактирщик остановился перед дверью и вытащил ключ из большой связки, висевшей на боку. Он отпер дверь и широко распахнул ее перед недоверчивым варваром. Конан огляделся и решил, что в этой узкой комнате невозможно устроить засаду. Из мебели были только кровать и небольшой стол. На кровати лежала зеленая шелковая одежда, тюрбан, украшенный изумрудной булавкой, и вуаль. Конан стоял, пораженный увиденным. Это был гардероб знатной гирканской дамы из сильной и быстро растущей Восточной империи.

С хмурым лицом, Конан повернулся назад, размышляя над новой загадкой.

Предчувствуя неладное, Конан выскочил из таверны с обнаженным мечом в руке. Вокруг никого не было. Раны болели, особенно на груди, но у него хватило сил вскочить в седло ожидавшей его лошади.

Киммериец прекрасно знал, что множество людей, несходных ни по убеждениям, ни по происхождению, в разных частях света жаждут его крови. И тем не менее недавняя засада глубоко озадачила его. Ведь он отправился в это путешествие тайно. Только Троцеро и Просперо знали его маршрут, а их верность вне подозрений. И все-таки ему устроили ловушку.

Как могло случиться, что Барракус - западный рыцарь - и гирнская женщина сговорились, стремясь убить его?

Конан ехал, размышляя о произошедшем с варварской невозмутимостью. Он решил подождать и не ломать голову, по опыту зная, что будущее обязательно прольет свет на это дело.

Неторопливо двигаясь по улицам, Конан цепко окидывал взглядом темные места; мерцающий свет свечей, иногда видневшийся в окнах, озарял ему путь. Варвар мечтал сейчас о прекрасной незнакомке, которая недавно вела его на смерть. Она распалила в нем желание, и Конан надеялся получить от нее хотя бы поцелуй в награду за помощь. Но о том, где она теперь, могла сказать только черная магия.

Проезжая через пустынную площадь, в свете выглянувшей луны он заметил очертания остроконечной башни - своим шпилем она, казалось, утыкалась в черное небо.

В глубокой темноте от башни исходило мерцающее сияние, подобное отблескам заходящего солнца. Это был замок Пелиаса. Вокруг него раскинулся цветущий сад с широкими аллеями.

Здесь не было ни стен, ни ограды, ни каких-либо других укреплений. Да в этом и не было нужды. Ужасные легенды, которые часто по вечерам

рассказывали своим детям местные жители, заставляли канарийцев держаться подальше от обители колдуна. В замок легко было проникнуть, но возвратиться из него удавалось далеко не каждому.

У края аллеи лошадь тихо заржала и остановилась, попытки пришпорить ее не увенчались успехом - лошадь застыла на месте, как вкопанная.

- Клянусь Кромом! - прошептал Конан. - Кажется, на сегодня Пелиас подобрал себе странную компанию. Хорошо, я пойду пешком.

Он слез с лошади и зашагал по аллее, выложенной каменными плитками, озираясь по сторонам и держа руку на рукоятке меча. Магические обряды часто привлекали чудовищ мрака, запах падали был притягателен для хищников. Конану доводилось встречать подобных существ, порожденных в страшно далекие времена иной, чуждой жизнью. Многих из них можно было убить только с помощью заговоренного оружия или таинственных заклинаний. Но Конан никогда не прибегал к этим мерам. Всем силам черной магии он предпочитал свой обоюдоострый меч.

Тем временем варвар достиг замка без всяких приключений, ни один демон не осмелился напасть на него по дороге. Луна вновь выглянула из-за облаков, и в ее свете Конан увидел, что желтое сияние замка объясняется множеством золотых монет, покрывающих стены. Киммериец стоял, внимательно всматриваясь в замок. Все строение источало настолько чужеродный дух, что Конан даже начал сомневаться, сумеет ли отдохнуть в этой обители мрака. На золотых монетах проглядывали загадочные письмена и таинственные знаки. Конан знал, что монеты были отчеканены очень давно, в несуществующих уже королевствах. По преданиям, в те легендарные времена жрецы и колдуны управляли миром, утверждая на Земле страшный террор. Молодых девушек уводили в темные пещеры, где совершались страшные ритуалы, на площадях городов в адских мучениях умирали тысячи пленников.

Легкая дрожь пробежала по его телу; это место было явственным пристанищем зла. Тем не менее варвар толкнул тяжелую дверь. Холодная металлическая плита отошла внутрь, освобождая проход. Точно крадущийся тигр, с обнаженным мечом в руке киммериец проник в жилище колдуна. В слабом свете он различал два ряда ступеней: одни вели вниз, другие - вверх. Конан направился вниз, так как уловил слабый запах, доносившийся оттуда. Глаза киммерийца сузились. Подобные запахи его преследовали в городе мертвых, где варвар провел однажды страшную ночь. Конан встремхнул головой, похожий сейчас на рассерженного льва.

Внезапно откуда-то из глубины здания раздался голос:

- Входи, Конан. Ты ошибся: тебе нужны ступени, которые ведут наверх: дальше станет светлее.

Конан так и не смог определить, откуда доносился голос. Казалось, он возник из пустоты...

Яркий светящийся шар возник перед варваром столь внезапно, что тот от неожиданности отпрянул назад. Сияющий шар свободно висел в воздухе без всякой опоры. Осмотревшись, Конан установил, что находится в зале, украшенном гобеленами тонкой и старинной работы. Одна из стен была покрыта полками, на которых размещались сосуды из камня, серебра, золота, нефрита. Некоторые из сосудов были украшены рисунками, другие чеканкой, и все они располагались в полном беспорядке. Сияющий шар медленно двигался над ступеньками. Конан следовал за ним без колебаний. Варвар не был коротко знаком с колдуном, но складывалось впечатление, что Пелиас вполне расположен к киммерийцу. Ступеньки скрипели под ногами Конана, до сих пор державшего в руке меч, хотя все опасения почти рассеялись.

Лестница закончилась перед дверью в медной окантовке. Всю поверхность двери покрывали таинственные знаки, свивавшиеся в причудливые спирали. В некоторых из них Конан узнал магические символы древних цивилизаций. Он недоверчиво нахмурился. Дверь тихо отворилась, и блестящий шар исчез.

Да в этом летучем фонаре теперь уже и не было нужды. Комната, в которую вошел Конан, оказалась громадной и хорошо освещенной. Вся она была заставлена большим количеством произведений искусства из разных стран мира. Вделанные в стены кронштейны поддерживали множество горящих свечей, мягкие ковры покрывали пол. В центре комнаты находился огромный, усыпанный подушками диван. На нем лежал высокий, седовласый человек в одежде ученого. Это был Пелиас. Его глаза были темны и задумчивы. Небольшая голова и длинные ноги указывали на благородное происхождение. Взор киммерийца остановился на большом кинжале, на стоявшем неподалеку книжном шкафу, на нескольких кожаных фолиантах, валявшихся на полу. Рядом с диваном лежал свиток из пергамента. Казалось, некоторые книги тоже написаны на пергаменте, однако Конан знал, что чаще всего заклинания колдунов пишут на человеческой коже. На одной из стен висело зеркало в простой железной оправе, резко контрастируя с роскошью обстановки. Конана не удивил дух сибаритства, который царил в помещении.

Подобно большинству колдунов, Пелиас никогда не пренебрегал удовольствиями рода человеческого.

- Подойди, Конан, - произнес маг. - Мы не виделись с тобой почти четыре года.

Пелиас тотчас заметил тяжелую походку Конана, кровь, забрызгавшую во многих местах его одежду.

- Ты ранен - и недавно! Ты нуждаешься в хорошем глотке вина, подожди немногого.

Пелиас повернулся к украшенному искусственной резьбой буфету и открыл одну из многочисленных маленьких дверок. В углублении он взял хрустальный флакон, выполненный в виде черепа и наполненный фиолетовой жидкостью. Он добавил в чашу с вином изрядную порцию этой жидкости и протянул Конану.

- Выпей, мой друг. Это настойка из трав, собранных в далеком Күше. Твои раны быстро затянутся, а тело наполнится бодростью.

Конан осушил чашу одним могучим глотком. Лицо его невольно исказилось. По венам пробежал огонь и голова закружилась, но вскоре головокружение прошло, и по всему телу разлилось приятное чувство облегчения. Казалось, огромный груз свалился с его плеч. Сняв шлем, Конан испытал резкую боль, как будто с него сняли скальп. Волосы спутались под запекшейся кровью, но рана уже зарубцевалась. Через несколько минут раны вообще перестали болеть.

- Воистину, это могущественное зелье, Пелиас! - воскликнул киммериец.

- Оно быстро действует, состав приготовлен из нескольких сильнодействующих трав.

С тихим ворчанием Конан избавился и от доспехов.

- Позволь мне задать тебе один вопрос, - сказал маг. - Что привело тебя сюда? Я ни разу не слышал о войнах на северо-западе, в которых тебе потребовалась бы моя помощь.

- Там, где идет война, я всегда обхожусь без помощи магии, - прорычал Конан. - Но я бессилен против сил тьмы. Поэтому и хочу найти с твоей помощью одного из моих врагов!

Быстро и коротко варвар рассказал о событиях роковой ночи.

Пелиас задумался на долгое время. Глаза его закрылись, и со стороны могло показаться, что он заснул. Однако Конан знал: мозг колдуна работает с колossalным напряжением. Наконец глаза Пелиаса открылись. Он заговорил:

- Демон темного царства похитил твою супругу. Я не знаю, как вызвать его, потому что столкнулся со знанием, превосходящим могущество магов Запада.

- Мне надо вытащить этого демона и выпытать из него правду!

- Не так быстро, мой горячий друг! Не стоит бросаться сломя голову навстречу неизвестным опасностям. Ясно, что демон был использован колдуном, куда более сильным, чем обычные маги. Если мы вызовем демона, нам придется столкнуться со всей его мощью. Но я знаю другой путь. Зеркало даст нужный ответ!

Пелиас поднялся и снова открыл буфет. Он взял чашу, по ободу которой шли непонятные знаки. Конан, в своих скитаниях достаточно сносно изучивший много языков, так и не смог определить, к какому из них относится шрифт. Из небольшого кувшинчика маг взял щепотку красного порошка и бросил в чашку. Затем поставил чашку на низкий эбеновый стол перед зеркалом в железной оправе. Откинув рукава своейшелковой мантии, колдун сделал магический жест. Голубой дым спиралью начал подниматься над чашей, густым облаком заполняя комнату. Конан, застыв, словно в трансе, следил за манипуляциями колдуна. Казалось, ничего не происходило. Конан начал нетерпеливо топтаться на месте, когда раздался голос Пелиаса:

- Эти чары очень сильны, Конан. Я не могу ничего увидеть. Кто твой бог-покровитель?

- Кром - свирепый бог киммерийцев, - произнес Конан. - Хотя я ни в грош не ставлю его уже в течение многих лет, ибо всегда надеюсь только на себя.

- Но на сей раз только обращение к Крому может помочь тебе. Нам нужна его помощь.

Конан закрыл глаза и начал молиться.

- О, отец Кром, в твоих руках души людей, помоги своему сыну найти демона, который похитил его жену.

И тогда в голове варвара вдруг зазвучала бесстрастная речь:

- Давно ты не обращался ко мне, Конан. Но ты - верный сын, ты все преодолеешь и вынесешь. Смотри!

Конан открыл глаза. В зеркале отражался Пелиас. Низким, монотонным голосом маг стал произносить заклинания. Конан узнал отдельные выражения, которые употребляли жрецы Стигии в своих тайных ритуалах.

Медленно, очень медленно в зеркале начала вырисовываться картина. Сначала возникли расплывчатые очертания, но постепенно изображение сделалось вполне отчетливым.

В темной комнате за низким столиком сидела фигура в капюшоне, со свитком в руках. Контрастность увеличилась, и фигура в капюшоне стала

приближаться. Внезапно человек в зеркале поднял голову и в упор взглянул на Конана. У незнакомца было желтое лицо с раскосыми глазами, в глубине которых затаился холод. Тонкие, бесцветные губы искривились в отвратительной усмешке. Правая рука опустилась и поднялась. Пальцы зажимали блестящий шар. Человек привстал и швырнул шар. Что-то словно подтолкнуло Конана. Свистящий удар его меча разнес зеркало на тысячу кусочков. Пелиас вздрогнул, как при пробуждении, и сказал:

- Слава Иштар, Конан, ты спас нас обоих! Этот шарик опасней гнезда кобр. Если бы он проник в нашу комнату, мы разлетелись бы в пыль, а вместе с нами и половина города! Сила моих заклинаний ограничена, и я не смог бы ничего поделать.

- Дьявол с ним! - пожал плечами Конан, не любивший, когда его хвалили. Как мне поступать дальше? Ведь это был человек кхитайской расы. Но какое он имеет отношение к моим поискам?

Мрачные глаза Пелиаса остановились на огромном киммерийце, и колдун решительно произнес:

- Мой друг, это дело гораздо серьезнее, чем я предполагал. Судьба мира лежит в твоих руках, - маг замолчал, выпил глоток вина. Опустившись на подушки, он продолжал: - Маги Запада уже многие годы замечают, что действие их заклинаний ослабло, а порой и вовсе не приносит результатов. Такое положение усугубилось особенно в последние годы. В течение пяти лет я внимательно изучал этот феномен и нашел причину. Мы вступаем в новую эру. Просвещение получило большое распространение на Западе. Аквилония стала оплотом знаний. Твои действия омолодили нацию. Силы черной магии напрягаются, чтобы разрушить эти факторы. Многие заклинания перестают действовать. И потому с цивилизацией пытаются покончить, сконцентрировав усилия на твоем королевстве Аквилонии. Ты - средоточие могучих сил, и боги благожелательно относились к тебе. Но если эти условия изменятся, власть магии вновь поднимет голову. Я стар, гораздо старше, чем предполагают люди. В настоящее время я употребляю свои обширные знания, чтобы облегчить себе жизнь, обеспечить комфорт и продолжать научные исследования. Я не аскет и не фанатик, который мучает и убивает беззащитных людей. Но есть один человек, который жаждет покорить мир. Он во власти этой идеи. Многие годы назад он начал гигантскую работу - она должна закончиться порабощением Земли. Ему удалось установить, что если в одну из ночей при свете луны он пронзит копьем сердце девушки на алтаре храма смерти и произнесет при этом страшные заклинания, то, наверняка, добьется желанного результата. Он уже пытался

реализовать свое открытие. Его постигла неудача - и тем это привело в безграничную ярость. Четыре дня и четыре ночи фанатик искал причину неудачи и добился своего. Ты - его главное препятствие. Его черный план, который я понял лишь в общих чертах, достоин гения. Похитив твою супругу, враг побудил тебя отправиться на ее поиски. Он уверен, что по пути тебя обязательно кто-нибудь убьет. А если тебе будет сопутствовать удача, он убьет тебя сам. После этого дорога к власти окажется открытой - и он получит желаемое, - Пелиас еще глотнул вина. - Ты знаешь, что я один из самых могущественных магов Земли, хотя последнее время я редко использую свое умение в полном объеме. Но даже если бы я выступил против него и для этого напряг все силы, то и тогда я имел бы такие же шансы, какие овца имеет в борьбе с крокодилом. Маги Востока могущественнее магов Запада. А этот - самый сильный из всех. Его зовут Ях Чанг из Пакчанга.

Конан, застыв с мрачным видом, обдумывал услышанное. Затем он произнес:

- Клянусь Кромом, Пелиас, передо мной более трудная задача, чем я предполагал. Но меня не волнует судьба мира, если я не смогу вернуть Зенобию!

- О, мой друг, твоя судьба, судьба твоей супруги и судьба мира тесно связаны! Ях Чанг обладает огромной властью. Он, несомненно, добьется успеха и убьет тебя. Это похищение - приманка. Думай, человек, и сопоставляй! Что важнее - судьба одной женщины или судьбы миллионов?

- Дьявол с ними, Пелиас! - прорычал Конан. - Ты думаешь, я позволю, чтобы мною командовали, чтобы мою жену безнаказанно похищали, и не сделаю даже попытки освободить ее, напугавшись восточного колдуна? Пускай демоны завладеют моей душой, если ты считаешь, что я предпочту королевство, власть, землю, рыцарей и богатство! Я хочу вернуть свою женщины - и я верну ее, пусть на моем пути стоят хоть сотни тысяч меченосцев!

Колдун все понял. Конан, в сущности, не беспокоился о будущем - всеми его действиями руководили лишь животные инстинкты. Пелиас жестко произнес:

- Увы, судьба уже заготовила свой приговор, и я не в силах изменить его. Теперь послушай. Пакчанг - твоя цель в Китае. Ях Чанг живет в фиолетовом замке, две сотни лучших мечников Кхитая составляют его охрану. Он завладел властью, изгнав законных правителей, и управляет при помощи палки и кнута. Остерегайся его черного искусства. Огромная сила сосредоточена в его руках; при желании он может уничтожить армии всей

Земли. Я не знаю, удастся ли, но попытаюсь помочь тебе. Подойди ближе.

Маг встал и направился к украшенному золотом столику из незнакомого дерева. Конан был удивлен: за все его странствия он никогда не встречал ничего подобного. \ Пелиас надавил ногой на тайный выступ. Открылось небольшое отверстие, и маг достал из него какой-то предмет. Это было кольцо странной работы, оно казалось то золотым, то серебряным, то медным; тусклый голубой свет исходил из ограниченного им пространства. По внутренней поверхности шли древние иероглифы. Приглядевшись внимательно, Конан узнал тайные знаки, которые он видел на алтарях храмов прачеловеческих богов Стигии. Клеймо было такого же странного вида: ромбический знак, заостренный сверху и снизу.

Пелиас пристально посмотрел на кольцо. Голубое сияние, выпустив в противоположные стороны два луча, сделалось еще ярче. Киммериец, казалось, ощутил власть, заключенную в этом предмете. Маг выпрямился, откинув со лба прядь седых волос.

- Много лун прошло с того времени, когда я завладел этим кольцом, произнес он. - Четыре дня и четыре ночи сражался я с его владельцем, могущественным колдуном из Луксура. Каждый пустил в ход страшные силы, которые опустошили земли на много миль вокруг. Когда я почувствовал, что не могу уже продолжать, он внезапно сдался. Превратившись в ястrebа, он пытался улететь: мои силы возродились, я превратился в орла, догнал его и разорвал на куски. Теперь, друг мой, я хочу, чтобы ты надел это кольцо. Тебе может понадобиться помочь во время пути. Ты слышал о Ракхамоне?

Конан кивнул головой.

В южных странах до сих пор это имя произносят шепотом, хотя со временем смерти колдуна прошло полсотни лет. Гирканские захватчики сожгли и разграбили его город после того, как он умер. Многие adeptы магии искали его секретные книги, написанные на коже, снятой с живых девушек, но безуспешно. Если это кольцо принадлежало Ракхамону, то оно действительно обладает властью.

- Именно так: Ракхамон владел этим кольцом! - произнес Пелиас. - Некоторые чудовищные силы не подчиняются обычным заклинаниям. Поэтому он сделал кольцо из остатков упавшей звезды, которую нашел, путешествуя по ледяному северу. Он заключил в этом кольце страшные силы, омыв его в крови погибших душ, что были осуждены на вечные страдания. Владелец этого кольца может устоять против многих чудовищ, вызванных искусством черной магии. Подробностей я не знаю. Вероятно, полное описание свойств кольца было заключено в погибших

манускриптах. Бери, Конан! Это все, что я могу тебе дать. Я не знаю заклинаний, которые помогли бы тебе в борьбе с Ях Чангом.

Конан взял кольцо. Довольно небольшое, оно, казалось, вообще не годилось гиганту, но, против ожидания, вдруг удивительно легко подошло к среднему пальцу левой руки. Как будто он всю жизнь носил это кольцо... Конан пожал плечами. В десятках испытаний варвар успешноправлялся и без помощи магических сил. А безделушка... От нее вреда не будет, надо полагать. К тому же очень не хотелось обижать Пелиаса.

- Покончим со всеми этими разговорами! - сказал варвар. - Мне предстоит долгое путешествие. Я хочу съесть кусок хлеба с мясом, выпить кружку вина и лечь спать. Можешь ты оставить меня на ночь?

- Сейчас все будет готово, мой друг! Мой дом - твой дом. Слуги принесут тебе пищу и позаботятся о твоей лошади.

Пелиас хлопнул в ладоши.

- Да, напомни мне утром, - сказал Конан, зевая, - я должен принести жертву Крому перед отправлением. И я хочу, чтобы об этом никто не знал, а то люди скажут, что Конан стареет и становится религиозным в своем старческом слабоумии.

ГЛАВА 3. МЕСТЬ ИЗ ПУСТЫНИ

Солнце поблескивало на остриях шлемов и кончиках пик, звякали шпоры. Три вооруженных всадника спускались по склону песчаной дюны в обширной пустыне, расположенной на юго-западной границе Турана. Красные тюрбаны были обмотаны вокруг шлемов, а широкие пояса - вокруг талии; белые шелковые рубашки, широкие штаны, небольшие черные туфли и серебряные кольчуги дополняли одеяние. Кривые мечи висели у бедер. Двое из всадников держали в руках трехметровые туранские пики. У третьего был большой кривой лук и кожаный колчан, наполовину набитый стрелами. Позади туранца с луком на длинной веревке, стягивавшей запястья, едва тащился изможденный пленник, на теле которого виднелось несколько ран. Его светлый халат давно уже превратился в сплошные лохмотья. Лицо несчастного выражало страдание, но в глазах горела лютая ненависть. Пленник то и дело спотыкался, однако ни один звук не слетел с его спекшихся губ. Туранские солдаты потеряли свой эскадрон во время двухнедельной песчаной бури и теперь направлялись к туранскому аванпосту в глубине Зуагирской пустыни - форту Бакла.

Вчера на пути им попался зуагир. Во время схватки его лошадь пала, пронзенная стрелой, а сам он от удара по шлему свалился без чувств на песок. Командир форта Бакла начал интенсивную кампанию против

племен пустыни, нападавших на караваны.

На вершине одной из дюн небольшая группа остановилась на отдых. Фляжки опрокинулись в запекшиеся глотки, пленник присел чуть поодаль. Куда ни обращался взгляд, везде виднелся лишь песок. Практичные воины-туранцы специально останавливались на высоком месте, чтобы видеть горизонт. Вокруг ничего не было, кроме песчаных дюн.

Внезапно самый высокий туранец встрепенулся. Он немного привстал, чтобы было лучше видно. На вершине дюны, в миle отсюда, он заметил одинокого всадника. Дюна скрывала туранцев и давала им выгодную позицию для атаки. Повернувшись к своим соратникам, он обронил:

- Клянусь Эрликом! Мы имеем возможность поймать еще одну пустынную крысу! Подготовьтесь, мы убьем этого всадника и наденем его голову на пику.

Он бросил веревку, не беспокоясь о зуагире. Пришпорив свою лошадь, туранец спустился к широкой лощине, где намеревался перехватить путника, спокойно достал лук и наложил стрелу. Его спутники последовали за ним, готовя для броска пики и тихо повизгивая от возбуждения.

Три сотни шагов отделяли всадника от кавалеристов, когда главарь спустил тетиву. Уклонившись, всадник быстрым движением сорвал халат. Туранцы застыли от удивления. Они ожидали увидеть кочевника, вооруженного только ножом и дротиком, а перед ними находился могучий западный рыцарь в блестящих доспехах, вооруженный длинным мечом и кинжалом. Обнаженный меч сверкал на солнце.

Глаза предводителя туранцев вспыхнули от ярости.

- Ты осмелился вернуться в Туран, мерзавец?

Туранец Хамар Кур возглавлял войска, несколько лет назад ловившие Конана, в то время главаря степных разбойников. За неудачные действия Хамар Кур был понижен в звании, и с тех пор его сердце жаждало мести. Выхватив саблю, он прорычал:

- Это бандит Конан, убейте его - и король наполнит ваши шлемы золотом!

Солдаты заколебались; имя варвара внушало им страх. Они слышали, как этот человек во главе двух пиратских кораблей захватил и сжег укрепленный морской порт Чавар и уничтожил шесть королевских галер, которые преследовали его. Они слышали, как он с бандой зуагиров уничтожил имперские посты на южной границе. Они слышали о жестокости орд, под его руководством взявших Хорузун, убивавших и

сжигавших все, что попадалось на их пути.

Конан воспользовался нерешительностью своих врагов и пришпорил могучую лошадь. Он ураганом обрушился на них, бешено вращая мечом. Лошадь Хамар Кура вздыбилась и вышвырнула седока из седла. Солдаты отвели для броска пики, но бросить не успели. Конан налетел на них, рубя налево и направо. Голова одного из солдат покатилась, орошая песок кровью. В следующее мгновение меч Конана перерубил пику другого. Туранец подставил щит, но последующий удар был настолько силен, что солдат грохнулся на землю. Тем временем Хамар Кур подхватил пику, оброненную убитым солдатом, и швырнул ее в Конана. Бросок был неточен. Пика воткнулась в грудь лошади. Лишь в последний момент экс-амир успел уклониться от кинжала варвара. Лошадь тяжело осела на песок, однако Конан быстро вскочил на ноги. Он поднял меч, с ледяным спокойствием наблюдая, как два его врага подбираются к нему с разных сторон. Их тактика была очевидной: зажать его в тиски. С быстротой тигра он нанес удар подходившему сзади солдату. Киммериец знал, что рискует: удар Хамар Кура в это мгновение мог бы достичь цели; но Конан никогда не ждал атаки врага. Туранец попытался парировать удар, однако бесполезно. Меч с ужасной силой опустился на его шлем и раздавил голову, как спелый апельсин.

Конан молниеносно обернулся - и как раз вовремя. Его меч успел парировать удар Хамар Кура, затем меч и восточная сабля сошлись в танце смерти. Вскоре быстрый удар Конана пронзил грудь врага, пробил тонкую броню и вошел в тело бывшего амира. Хамар вскрикнул и тяжело свалился. Конан спокойно освободил лезвие.

Вытерев свой меч об одежду врага, он осмотрелся, услышал звук позади себя и моментально напрягся. Киммериец увидел человека, скатившегося к его ногам. Это был зуагир. Поднявшись на подгибающихся ногах, тот плонул на распростертное тело Хамар Кура. Затем поднял свои горящие глаза на Конана. Осмотрев гигантскую фигуру спасителя, закованную в броню, он с радостью воскликнул:

- Хвала Кеми! Бог услышал мои молитвы и отправил собак в ад! Более того, он вернул великого воина, который командовал нами в давно минувшие годы! Я приветствую тебя, Ястреб Пустыни! Пиры и танцы снова будут в шатрах! Туранские солдаты уберутся в свои замки, Конан вернулся!!!

Конан пожал плечами и загнал меч в ножны. Его лошадь пала, и он снял флягу с седла.

- На, волк, - ты наверняка забыл вкус воды.

Конан вытащил хлеб и мясо и поделился с зуагиром.

- Теперь расскажи мне: что происходит в пустыне? Как ты попал в руки турецких? - потребовал Конан.

Кочевник отвечал, не прерывая еды и громко чавкая:

- Я Джар Алан из племени Дуэли. Я спешил в наш лагерь, когда эти собаки схватили меня. Они убили подо мной лошадь и оглушили ударом по голове. Затем повели меня в форт Бакла на допрос.

- Почему ты один и почему ты спешил? Ведь эти холмы контролируются турецкими!

В голосе зуагира зазвучали трагические нотки:

- Ужасное несчастье постигло наше племя! Четыре дня мы лежали в засаде у руин Джаратского храма, в пятидесяти милях к югу отсюда. До нас дошли слухи, что богатый караван должен прийти с запада, сопровождая госпожу Тэнери.

- Кого?

- Знатную даму из Маупура, известную своей красотой и богатством. Кроме того, она фаворитка короля Ездигерда. Мы могли бы получить за нее огромный выкуп и, помимо прочего, ограбить караван. Мы лежали, приготовив ножи и луки, и, казалось, эти собаки торговцы никогда уже не придут. Затем мы услышали звон верблюжьих бубенцов. Длинная линия верблюдов, людей и повозок показалась вдали. Мы подождали, пока караван подойдет поближе. Издав боевой клич, племя обрушилось на них, предвидя легкую добычу. Внезапно купцы и слуги сбросили свои халаты - и вместо робких торговцев перед нами оказались воины королевской армии, бросившиеся нам навстречу. А еще сотни воинов, должно быть, прятались в повозках каравана. Они косили наши ряды не хуже жатвенных серпов. Половина из нас была перебита на месте. Остальные начали яростно защищаться. Племя сражалось изо всех сил, и многие турецкие упали на землю с кривыми ножами в глотках, но наша храбрость была бессильна перед закованными в железо многочисленными рядами врагов. Я увидел, как свалился мой брат, пронзенный ударом амира, затем Бин Алал, мой отец, получил удар по голове и выпал из седла... Я пришпорил лошадь и сумел пробраться через вражескую цепь. Турецкие преследовали меня несколько часов, но их лошади изнемогли, и они отстали. Мне почти удалось добраться до лагерной стоянки, когда эти трое схватили меня. Теперь караван, наверняка, благополучно добрался до стен форта Бакла. Собаки веселятся сегодня, захватив главу зуагиров живым!

- Откуда ты знаешь, что он жив?

- В последний момент я обернулся и увидел, как два охранника вели

отца к повозке. Он двигался сам, хотя и очень медленно.

Конан сидел, обдумывая эту историю. Он помнил Бин Алала, одного из своих верных сподвижников, еще в те времена, когда тот был главой объединенных зуагирских племен и водил их в смелые набеги на туранские караваны. Перед варварам возникла новая проблема. Надо было освобождать старого друга, попавшего в руки врагов. Быстро поднявшись, киммериец воскликнул с решительностью:

- Забирай себе любую лошадь. Мы поедем в оазис Дуэли. Поднимем всех, если мое имя еще не забыто среди племен. Я должен помочь моему старому другу. Мы померяемся силами с этими собаками, клянусь Кромом!

Со смехом Конан вскочил в седло. Компаньон последовал его примеру - и пыль взметнулась под копытами их лошадей.

Оазис лежал, закутанный темной мглой пустынной ночи. Звезды спали, как драгоценные камни на темном покрывале, пальмы слегка колыхались под вечерним бризом и серебряным светом луны. В тени деревьев расположилось множество палаток - лагерь зуагиров. Еще днем это было тихое, спокойное место. Пустынное солнце бросало свои золотые лучи на незамысловатые жилища. Женщины в вуалах носили воду, жарили мясо над домашними очагами.

Теперь оазис был центром бешеной активности. В центральной палатке шло военное совещание. Отсюда то и дело выбегали посланцы. Запахивая на ходу халаты, они вскакивали в седла и мчались в разные концы пустыни. Другие возвращались, осаживая распаленных коней, и направлялись в центральную палатку. Зуагиры из соседних племен прибывали целый день. Оазис заполнялся все новыми и новыми палатками. Возле этих временных жилищ разговаривали шепотом; люди то входили, то выходили, направляясь с различными поручениями. Стояла суматоха, которую редко можно встретить в пустынном лагере.

Лица бородатых предводителей горели от волнения и гордости. На почетном месте возвышалась высокая фигура воина, закованного в броню. С того момента, как он прибыл сюда, великан постоянно находился в центре внимания. В свое время, объединив враждующие кланы, он успешно водил их в смелые набеги, о которых до сих пор рассказывали по вечерам у лагерных костров. Жители пустыни видели в возвращении киммерийца добрую примету. И хотя племена понесли только что немалые потери, а глава одного из кланов оказался в пленау, настроение у всех было приподнятое. С возвращением Ястреба Пустыни забылись мелкие родственные ссоры. Горячая вера горела в глазах зуагиров, когда Конан начал объяснять им свой план.

- Форт неприступен для прямой атаки, мы не имеем ни баллист, ни каких-либо других осадных машин. Подобно всем пограничным постам, форт хорошо снабжен продуктами и может выдержать долгую осаду. Кроме того, решительная вылазка закаленных в боях эскадронов рассеет наши плохо вооруженные отряды. Наш шанс заключается в ударе изнутри: кавалерия не сможет маневрировать - и мы используем наше численное преимущество. Нужно действовать хитростью. Предлагаю снарядить караван с тем запасом добычи, которая хранится в оазисе. Пятьдесят человек оденутся купцами, рабами, погонщиками и поведут караван в форт. Если мы пойдем по дороге в Чердрур, нас, без сомнения, пропустят. В двенадцать часов ночи мы перережем охрану у ворот и впустим отряды в крепость. Наши важнейшие цели - казармы, офицерские квартиры и губернаторский дворец. Мы будем грабить, жечь и зальем улицы турецкой кровью.

Киммериец поднялся, поправив ножны.

- За работу, волки пустыни! До рассвета я хочу иметь снаряженный караван!

Звякали бубенцы верблюдов. Ноги людей и животных, проходящих в ворота форта Бакла, поднимали облака пыли. У ворот высокий купец, как видно, предводитель каравана, что-то объяснял охране.

- Господи, я - Забах-шемит из Анакии. Я пришел из Буккуба и направляюсь в Чердрур, чтобы обменять свои товары.

- Кто это? - капитан показал на высокого человека, закутанного в халат. Его капюшон был низко надвинут на глаза, и можно было подумать, что перед стражей и впрямь стоит купец.

- Это мой личный слуга и телохранитель, - произнес купец. - Стигиец, другие - охранники, погонщики верблюдов и слуги. Клянусь Авторат, до чего хорошо снова почувствовать себя в безопасности за этими надежными стенами! Я очень боялся нападения зуагирских банд. Как может видеть благородный капитан, мои люди хорошо вооружены, но, хвала богам, никто из вонючего сброва пустыни не напал на нас, и все мы живы.

Капитан оскалил зубы в усмешке.

- Твои предосторожности принесут тебе убытки, почтенный. Теперь и женщина может спокойно путешествовать одна, не то что караван. Вчера эскадрон имперских охранников передавил целую кучу этих пустынных крыс и захватил в плен их главу. Только одной собаке удалось сбежать!

- О, - воскликнул шемит. - Какие восхитительные новости!

- И всего-то - один день работы. Теперь уже нескоро они возобновят набеги. Везус Чен приказал убивать всех зуагиров, попавших в руки наших

патрулей, невзирая на пол и возраст. Ты вовремя вернулся и можешь путешествовать, не опасаясь никаких врагов.

- В знак моей благодарности я принесу жертвоприношение Белу, - ответил купец. В это время прошел последний из верблюдов каравана. Четыре охранника кинулись закрывать ворота, железные створки качнулись и сошлись. Они были укреплены навесами толще человеческой ноги. Массивные засовы лязгнули и встали на место.

Форт напоминал небольшой город. Высокие зубчатые стены из камня опоясывали массу зданий с парапетами и балконами. По стенам расхаживали стражники. Пространство внутри крепости было достаточно обширным. В форте Бакла расположилось много таверн и игорных домов. Они поддерживали настроение и боевой дух гарнизона. В центре находился шумный рынок, где можно было встретить и вооруженных солдат в остроконечных шлемах, и купцов, предлагавших экзотические товары, и женщин, закутанных в шали. Повсюду разносились крики уличных торговцев.

С одной стороны базарной площади поднималась могучая цитадель - жилище губернатора, крепость внутри крепости, со стенами из серого камня, узкими окнами и медными тяжелыми дверями. Те, кому удалось побывать внутри, утверждали, что покой установлены дорогой мебелью, а на столах всегда можно найти тонкие вина и изысканные яства.

Наступил вечер. Небо быстро темнело. Свечи и лампы осветили окна домов. В тавернах из подвалов поднимали бочки вина. Игроки замысловато метали кости. Начиналась многоцветная ночная жизнь туранского города. В домах у западной стены, занимаемых прибывшими караванами, возник спор между Конаном и мнимыми купцами. Почти все склонялись к тому, чтобы никто из каравана не покидал зданий и оставался на месте, дожидаясь условного часа. Но Конан был другого мнения. Имея два часа в запасе, он хотел найти человека, который мог бы рассказать о расположении сил врага в форте. Квартиры офицеров и казармы солдат он успел заметить у главных ворот, но необходимо было знать численность войск противника.

- Замолчите! Или я вырву ваши языки! Я сделаю так, как сказал. В тавернах полно пьяных солдат, и у одного из них я, наверняка, получу нужные сведения. Я выжму его, как мокрую тряпку.

Железная решимость киммерийца заставила умолкнуть его соратников. Он запахнул халат и вышел, глубже надвинув капюшон. Эта предосторожность была нeliшней: варвар опасался, что кто-нибудь из туранцев, обладающих хорошей памятью, может его узнать.

Запах кислого вина, слабого пива и пота волной ударили в лицо Конана, когда он уверенно вошел в первую попавшуюся таверну. Попойка была в самом разгаре. Проститутки сновали с кружками пива и бокалами вина, подсаживались на колени наполовину пьяным солдатам которые, опустошив свои кубки, требовали еще. Атмосфера напоминала западные таверны, только одежда людей была более многоцветной.

Увидев небольшой свободный столик в углу, громадный варвар сел в скрипящее кресло и потребовал кружку пива. Утолив жажду огромными глотками, он осмотрелся вокруг. Пара пьяных копьеносцев упала на пол и начала бороться между пронзительно визжащими женщинами. Тугие мышцы играли под их загорелой, обветренной кожей. За соседним столиком играли в кости. Блестящие глаза варвара внимательно вглядывались в грубые пьяные лица, переходя с одного на другое. Конан все время был настороже; нервы его редко подводили, но он находился во вражеском логове, и мог ожидать подвоха с любой стороны.

- Что пьешь? Тихая овечка! - вооруженный гигант с грохотом откинул кресло и протиснулся через толпу, осыпавшую его проклятиями. Он опустился за столик Конана. Глаза киммерийца сузились. Человек носил алуую одежду и белый тюрбан имперской охраны. Из тюрбана торчало страусиное перо - эмблема капитана привилегированных королевских войск. Без сомнения, громила принадлежал к отряду, который разбил зуагиров и взял в плен Алала. Вполне возможно, он сам и командовал этой операцией. То был счастливый случай, посланный богами. Если, конечно, Конан не упустит его...

С развязным видом киммериец наклонился вперед, его лицо по-прежнему скрывалось под капюшоном.

- Ты, наверное, не удивишься, если я скажу, что это довольно скучное место. Я пришел сюда только для того, чтобы промочить глотку, - он дружески ударил солдата по плечу. - Я собираюсь в одно местечко, где женщины горячи и в искусстве любви не уступят куртизанкам Шадизара!

Капитан кивнул, поднял голову и попытался сосредоточиться.

- Кто? Женщины? Хорошая идея! А кто ты сам?!

- Хотен, из Кхеми, охранник купца Зебаха. Пошли со мной! Нанесем визит в этот уголок наслаждения!

Конан не был специалистом в вопросах сладострастия и лицемерия, и потому его поведение наверняка возбудило бы подозрение в любом трезвом человеке. Однако пьяный туранец согласился покинуть таверну без всякой задней мысли. Вожделение загорелось в нем, он качнулся вперед, громко икнув.

- Веди меня, человек! Я достаточно долго служдал в этой проклятой пустыне и соскучился без женщин!

- Это ты вместе с другими устроил засаду на зуагиров?

- С другими?! Я командовал другими!

- Великолепно!

- Еще бы, это было знатное сражение. Но только эта проститутка Тэнери испортила мне настроение, чтоб она провалилась.

- Она отвергла тебя?!

- Хуже! Она залепила мне пощечину, когда я попытался поцеловать ее в палатке!

- Какая дерзость! - воскликнул Конан.

- Это еще не все. Она угрожала содрать с меня кожу на большой рыночной площади Аграпура, если я не стану вести себя как следует! Это с меня, Ардашира из Акифа! Как будто человек с красной кровью может контролировать себя, глядя на ее прекрасное тело.

- Какой позор - угрозы от женщины!

- Достаточно об этом! Веди меня в твой дом наслаждений, стигиец. Я хочу забыться в веселье!

Он полез сквозь толпу, шатаясь из стороны в сторону. Конан последовал за ним. Холодный ночной воздух улицы оказал действие мокрого полотенца. Поначалу капитан шел, все так же качаясь. Внезапно он с удивлением посмотрел на закрытое капюшоном лицо своего спутника, идущего рядом.

- Но, - начал он, - не торопись, мой быстроногий друг! Ты не сказал, где находится этот желанный дом с женщинами, о котором я никогда не слышал, хотя не один раз прошёл Баклу вдоль и поперек. Позволь мне взглянуть на твое лицо.

Речь Ардашира была прервана сильной рукой, сдавившей ему глотку. Достаточно могучий человек, капитан ничего не смог противопоставить железной хватке киммерийца. Когда охранник почти потерял сознание, Конан просто утащил его в темный переулок и там быстро связал его же поясом. Лежа на спине, пленник увидел перед собой горящие глаза киммерийца, который прошептал на туранском языке с варварским акцентом:

- Ты спрашиваешь мое имя, восточная собака?! Наверное, ты слышал о Конане, известном у зуагиров как Бамад ал-Апх?! Или, может, ты слышал о главе пиратов Вилайетских?!

У туранца вырвался только слабый стон. Конан продолжал:

- Я вернулся с запада, и теперь хочу знать, сколько солдат в форте, - и

если ты мне не скажешь, я выдавлю тебе глаза и сдеру кожу с подошв твоих ног!

Капитан был буквально парализован страхом. Обычным врагам - зуагирским бандитам, кшатрийским легионерам или каким-нибудь солдатам западных наций - он смотрел в лицо со стойкостью закаленного воина. Но гигант-варвар, склонившийся над ним с кинжалом, вызывал в нем ужас. История смелых подвигов Конана окружила его имя магическим ореолом. Ардашир знал, что угрозы варвара не пустой звук. Конан мог выполнить роль палача без всяких угрызений совести. Вот почему, узнав имя своего врага, Ардашир рассказал все. Регулярный гарнизон состоял из двенадцати сотен всадников, расположившихся в бараках у главных ворот. Примерно сотня имперских охранников квартировала в центре города. Главарь зуагирских бандитов был посажен на цепь в подземную темницу губернаторского замка.

Госпожа Тэнери тоже находилась в замке. Численность охраны ворот капитан не знал. Конан застыл, обдумывая ситуацию. Было известно, что казармы имеют единственный выход. Имея в своем распоряжении свыше двух тысяч человек и используя полученные сведения, он, наверняка, одержит победу. Свет луны подсказал киммерийцу, что время уже подошло к двенадцати часам. Нужно было спешить. Он проверил натяжение ремня, кляп во рту пьяного и оттащил Ардашира подальше в переулок.

"Я должен действовать тихо, - пронеслось в голове Конана. - Хотя следовало бы перерезать собаке глотку. Но зуагиры сделают это и без меня, когда найдут его".

Слабая барабанная дробь наполнила роскошные апартаменты на втором этаже губернаторского дворца. Госпожа Тэнери лежала на шелковом диване и лениво покусывала яблоко, взятое с низкого столика, что стоял на ковре перед ее ложем. Прозрачное платье нисколько не скрывало ее соблазнительные формы, хотя человек, находившийся в комнате, не обращал на ее женские прелести никакого внимания. Этот человек был маленького роста, кривоногий, одетый в грязные шкуры и потертые меха. Его сморщенное обезьянье тело и лицо были раскрашены в черный и красный цвета. Длинные черные волосы были заплетены в сальную косу, а на шее висело ожерелье из человеческих зубов. Вокруг него распространялся кислый запах пропотевшего, давно не мытого тела. Свирипый варвар-кочевник, он принадлежал к племени Бигор, обитавшему к северу от моря Вилайет. Человек сидел на полу, скрестив ноги и уставившись на струйку дыма, который поднимался от расположенной перед ним жаровни. Волны голубого дыма сплетались в причудливые

фигуры. Зажимая в одной руке небольшой барабан, кочевник непрерывно стучал по нему пальцами другой. Выбив последние стаккато, шаман остановился.

- Что ты видишь, Татур? - спросила Тэнери.

- Он придет, - высоким голосом заявил шаман. - Тот, которого ты видела недавно.

- Кто это может быть? - Тэнери резко дернулась.- Везус Чен держит зорких охранников - они не пропустят никого из посторонних.

- Тем не менее, он придет, - выл Татур. - Духи не . врут, если ты останешься, он скоро будет тут.

- Он должен был войти в форт переодетым, - задумчиво прошептала Тэнери. Если он придет снова, что мне делать? Собирается ли он расправиться со мной? Отвечай!

Нотки паники зазвучали в ее голосе, а рука в волнении сильно сжала горло.

- Он спросит тебя о твоем задании, - Татур засунул руку в овчину и достал небольшой пузырек темно-красного цвета. - Капни этой жидкости немного в его вино - и он в течение трех дней уподобится мертвецу.

- Хорошо. Но варвар осторожен. Он крайне подозрителен и может обнаружить в вине наркотик.

Татур вновь засунул руку в овчину и достал мешочек из кожи.

- Вот это даст тот же эффект, если он вдохнет.

- Что это?

- Высущенный желтый лотос из Китая. Употребляй только в крайнем случае. Если вдохнешь сама, то окажешься в обмороке, а если вдохнешь глубоко - умрешь.

- Все это убеждает, но недостаточно. Быть может. мне предстоит столкнуться с убийцей, и тогда я хочу иметь путь к отступлению, если твои снадобья не помогут. Пусть кто-нибудь другой недооценивает киммерийца, только не я. Тем более, что ты знаешь: он хорошо запомнил нашу последнюю встречу.

Улыбка собрала в комок многочисленные складки на лице Татура, и оно стало похожим на печеное яблоко.

- Из тебя получился бы отличный торговец. Хорошо! - шаман протянул полупрозрачное яйцо. - Разбей его в час опасности, и помощь придет к тебе из других миров.

Тэнери внимательно рассматривала три предмета, лежавшие перед ней.

- Пусть будет так. Поезжай в Аграпур и расскажи королю, что я жду

Конана. Если мне повезет, варвар будет пойман. Если нет, то королю потребуется новый агент. Спеши, счастливого тебе пути!

Через несколько минут Татур на резвом гирканском коне выехал в ночные пески.

Ночь лежала холодная и спокойная. Капитан широко зевнул, наблюдая за главными воротами. Из небольшого домика охраны перед воротами он мог видеть двух лучников, патрулирующих парапет над большими, тяжелыми створками. Пара копьеносцев располагалась прямо над входом; лунный свет отражался на их остроконечных шлемах и полированной броне. Казалось, ничто не угрожает спящему форту, тем не менее губернатор приказал удвоить охрану, бдительность которой и без того заметно возросла.

Офицер удивился. Неужели Везус Чен действительно опасался атаки со стороны зуагиров, неужели кочевники попытаются освободить своего вождя? Пусть пустынные крысы приходят! Они разобьют свои головы о стены, с которых стрелки легко отразят любую атаку. С возрастом губернатор все больше склоняется к печальным кошмарам и чрезмерной осторожности. Пусть отдохнет. Акеб Мен не подведет!

Луна была закрыта облаками. Акеб Мен протер глаза. Что произошло? Кажется, два стрелка на стене присели отдохнуть. Но вот они снова поднялись, начав мерно вышагивать. Надо будет наказать этих ленивцев. Он продержит их лишних два часа на солнце, если они попытаются уклониться от долга.

Поднявшись, капитан открыл дверь и выглянул наружу. На мгновение лунный свет рассеял мглу. Акеб Мен схватился за голову. Вместо остроконечных шлемов и плащей на караульных были накидки.

- Зуагиры!

Как они проникли внутрь, только дьявол знает. Акеб Мен бросился к молотку, чтобы ударить в гонг и поднять тревогу. Дверь домика с грохотом слетела с петель, Акеб Мен повернулся, выхватил саблю, но, увидев возникшего перед ним человека, застыл от изумления. Вместо кочевника с обнаженным ножом стоял западный рыцарь, закованный в черную броню. С криком ужаса и ярости турец сделал выпад. С быстротой молнии бронированный гигант уклонился и нанес в ответ сильнейший удар. Кровь фонтаном забила из тела Акеб Мена, осевшего на пол.

У Конана не было времени глязеть по сторонам. В любой момент какой-нибудь солдат мог высунуть голову в окно казармы или запоздалый прохожий завернуть на площадь и поднять тревогу. Большие железные ворота теперь были открыты, и через них быстро текла река одетых в белые

халаты кочевников.

Конан резко отдавал приказы. Его голое звучал тихо, но слова доносились до всех.

- Два человека с факелами пусть подожгут казармы. Трех сотен стрелков вполне достаточно, чтобы косить высакивающих солдат. Остальные ударят по крепости. Жгите и убивайте, берите любую добычу и пленников. Держитесь вместе. Меньше двенадцати неходить. Пятьдесят солдат идут со мной в губернаторский дворец.

Властным жестом Конан распустил собравшихся и подозвал свою группу, которая последовала за ним, еле поспевая за быстрыми и широкими шагами киммерийца. Вокруг начались пожары. Группы ловких кочевников рассыпались в разных направлениях. С вооруженным сопротивлением было покончено одним ударом.

Согнувшись, зуагиры крались по улицам ни о чем не подозревавшего города, сжимая в руках мечи и копья, - лунный свет играл на отточенных клинках. Конан вел своих людей прямо к цели. Первым делом он хотел освободить Бин Алала. Кроме того, его заинтриговала история с прекрасной дамой. Варвар надеялся получить награду, удовлетворяющую его вкусы. Прекрасные женщины всегда были его слабостью, а воображение подогревалось рассказами Ардашира.

Киммериец увеличил скорость, быстро продвигаясь по улицам. Глаза его сверкали. Вскоре группа оказалась на центральной площади. У Конана вырвалось проклятие. До медной двери дворца оставалось сорок футов, но все подступы к ней перекрывали четырнадцать стражей. Выхватив меч, варвар бросился вперед по каменным плитам площади. Он атаковал столь стремительно, что у охранников просто не было возможности подготовиться к обороне. Двое из них еле успели выставить свои пики, третий выхватил горн, готовясь протрубить тревогу, и только четвертый успел нырнуть за дверь. Зуагирская стрела пронзила горниста прежде, чем он успел подать сигнал. Горн, звеня, покатился по плитам. Конан свирепым ударом перерубил пики, следующим выпадом он пронзил одного из противников. Туранец безвольно повалился на землю. Другой, выхватив меч, занес его над головой Конана. В то же мгновение он был утыкан стрелами и упал, загремев броней. Возбужденный схваткой, Конан прыгнул вперед и ударил в дверь. Время было дорого. Люди, услышав шум схватки, высовывали головы из окон. Стрелки начали появляться на крышах. Нужно было любой ценой выбраться из окружения и, пока враг не организовал оборону, ворваться во дворец.

Дверь открылась, не выдержав могучего натиска Конана. Оставив

десяток человек для охраны тыла, варвар обнажил меч и, звеня броней, повел остальных внутрь. Десять человек в форме императорской охраны выскочили на них из боковых дверей. И тогда прогремел боевой клич киммерийцев!

Схватка началась. Кривые ножи полетели в турецев, блестящие сабли тоже нашли себе работу. Кровавое опустошение производил меч Конана. Варвар метался, рубил и колол с тигриным бешенством и невероятной быстротой. Через пару минут десять турецев лежали на полу в лужах крови и восемь неподвижных фигур в забрызганных кровью халатах составили им компанию. Конан, не обращая внимания на потери, вбежал на второй этаж, перепрыгивая через пять ступенек. Он знал, что здесь находятся покой губернатора. Остановившись, варвар отдал приказ своим соратникам:

- Десять из вас пусть отправятся на поиски губернатора - или нет, лучше я пойду навещу его сам, а вы разыщите ключи от темницы и освободите Бин Алала, остальные могут грабить.

Зуагиры с веселым шумом разбрелись по дворцу. Конан могучим ударом ноги вышиб дверь из сандалового дерева и ворвался на запретную территорию - в гостиную губернатора. Бесшумно вышел на середину комнаты и остановился - за дверью, ведущей во внутренние покой, раздался гневный женский голос. Конан нахмурился. Подняв тяжелый столик, он метнул его в дверь. Перешагнув через обломки, варвар ступил в комнату. Посреди нее возвышался мощный человек, киммериец узнал в нем Везус Чена. Шелковые диваны и столики с лакомствами располагались на ковре, покрывавшем пол. На одном из столиков рядом с наполненными кубками стоял графин вина. На диване полулежала женщина. Ее большие темные глаза смотрели без всякого страха на внезапно появившегося варвара. Конан узнал ее. Это была девушка, которая заманила его в подлую ловушку. Но сейчас не оставалось времени, чтобы предаваться воспоминаниям... С проклятиями на губах губернатор схватил свою украшенную бриллиантами саблю и двинулся навстречу киммерийцу.

- Ты осмелился войти в мои покой, ты, краснорукая обезьяна! - заорал он, задыхаясь от гнева. - Я вижу, ты опять возвратился сюда, ну так я доставлю тебе удовольствие, обрезая твои уши.

Его рука, вооруженная саблей, метнулась вперед быстрее стрелы.

Большинство людей на месте Конана погибли бы, не успев ничего предпринять, но тигриная реакция варварских мускулов спасла Конана. Парировав удар эфесом меча, он в свою очередь сделал ответный выпад. Обменявшись ударами, он понял, что перед ним один из лучших

фехтовальщиков мира. Но вряд ли избалованный цивилизацией фехтовальщик мог сравниться в быстроте и умении с Конаном, закаленным в бесчисленных сражениях во всех странах мира.

Моментальная реакция, сила, мастерство, приобретенные во времена наемничества, не раз помогали ему в жизни. Теперь это мастерство достигло совершенства.

Дуэль продолжалась. Везус Чен начал уставать, и постепенно его глаза наполнились страхом. Внезапно крикнув, он сделал ложный выпад и отскочил к дальней стенке. Здесь его пальцы с лихорадочной быстротой начали шарить, отыскивая потайной механизм. Конан прыгнул вперед. В следующее мгновение его руки схватили амира, а колени уперлись в грудь врагу.

- Собака! Помнишь, как ты захватил десять моих друзей, когда командовал эскадроном в Секундарами? А затем послал мне их засоленные головы. Время расплаты пришло! Ступай в ад!

Со страшным криком киммериец поднял своего врага и ударил о стену. Раздался сухой треск, и бездыханное тело губернатора рухнуло на пол. Обливаясь потом и тяжело дыша, Конан повернулся к женщине, лежавшей на диване.

Тэнери не двигалась с места в течение всей схватки. Подняв руки к своим блестящим глазам, она направилась к Конану, не обращая внимания на окровавленный меч в его руке.

Жаркий огонь заструился в жилах варвара при виде этой женщины.

- Ты настоящий мужчина! - прошептала обманщица, прижимаясь к нему и обвивая руками мощную щею. - Никто другой не смог бы убить Везус Чена. Я довольна тобой. Он силой склонил меня к любви.

Конан почувствовал, как закипает его кровь. В молодости он забыл бы все на свете, сжимая такую женщину в своих объятиях. Теперь же осторожность взяла верх над чувством.

- Ты была одета иначе в момент нашей встречи в Канарии, - произнес он, беря ее запястье одной рукой, и потянул вниз к кушетке, усаживаясь рядом. Расскажи мне об этой засаде и о том, какая роль отводилась тебе. Не лги; если скажешь правду, я не причиню тебе вреда.

Темные глаза под черными ресницами смотрели на него без страха. Мягко выскользнув, красивая рука взяла один из кубков, стоявших на столике. Тэнери подала ему этот бокал, а сама взяла другой и немного отпила. Уверенность прекрасной и умной женщины сквозила в ее действиях.

- Ты, наверное, утомился после схватки. Попробуй это вино. Это

лучшее, что есть в подвалах Везус Чена. Пей, и я расскажу о том, что тебя интересует!

Конан прикоснулся к кубку. Женщина же приятным голосом начала рассказ

- Меня зовут Тэнери. Я высокорожденная дама из Маупура. Король Ездигерд милостиво назначил меня одним из своих доверенных агентов, глазами и ушами короля, как называем мы агентов в Туранде. Когда пришло известие о том, что ты отправляешься в длительное путешествие, я была послана наблюдать за действиями наемников, привлеченных нашим президентом в Канарии. Я предполагала...

Конан швырнул кубок на пол и, взбешенный, повернулся к женщине. Он едва прикоснулся к вину - и острое обоняние, обычно не подводившее его, указало варвару на опасность, которая таилась в кубке. Своей громадной рукой он схватил женщину за длинные черные волосы.

- Наблюдаешь, подлая тварь! - прокричал он,

- Я полагаю...

Рука Тэнери выскользнула из-за спины и бросила в лицо Конана щепотку желтого лотоса. Выпустив волосы Тэнери, Конан отпрянул назад, кашляя и чихая.

Задержав дыхание, Тэнери выскользнула из зоны действия облака и остановилась. Тяжело хрипя, киммериец рухнул на кушетку.

Тэнери с облегчением вздохнула. Последующие два-три дня он будет подобен каменной статуе. Теперь надо действовать. Приглушенный шум привлек ее внимание, она подбежала к окну, выходившему на площадь, и откинула занавеску. Увиденное заставило ее отшатнуться. Дома пылали, подожженные осатаневшими зуагирскими ордами. Крики насилиемых женщин и проклятия сражавшихся мужчин оглашали воздух. Белые призрачные фигуры мелькали всюду. Солдат не было видно. Ясно, Конан пришел не один, как она вначале решила, а в компании волков пустыни.

Она сосредоточилась. Опытный агент, Тэнери быстро придумала план спасения. Вынув из ящика белую накидку, она закуталась в нее и вооружилась длинным кинжалом. Переступив через труп губернатора, Тэнери нажала на выступ, открывавший потайную дверь. С протяжным скрипом секция стены ушла вглубь - за дверью оказалась спиральная лестница, ведущая вниз. Потом женщина вернулась к Конану и, схватив его под мышки, напрягая все силы, оттащила к двери. Выволокла на лестницу и закрыла потайной ход. Киммериец лежал и хранил, будто вплавший в спячку медведь. Тэнери торопливо спустилась по лестнице. Попав в небольшую комнату, она подошла к стене и надавила кнопку, которая

открыла тайный выход из дворца. Форт напоминал ад. Зуагиры нашли подвалы с вином и быстро перепились. Сработала традиционная беспечность кочевников, не привыкших к цивилизованной жизни. Они поджигали все дома, попадавшиеся на пути. Группы захваченных женщин с грубыми шутками сопровождались к главным воротам. В казармах царил ужас. Загнанные в угол солдаты бросались в первые попавшиеся двери и падали, пронзенные стрелами ожидавших их зуагирских стрелков. Никто из несчастных, ослепших от дыма, не имел ни одного шанса выжить. Сотни убитых и задохнувшихся лежали в казармах, разрушенных пожаром. Многие из них погибли от пламени и дыма, остальные были убиты стрелами.

В форте заканчивалась схватка зуагиров с оставшимися в живых императорскими стрелками, расквартированными в городе. Такой кровавый удар, как в эту ночь, турецкие твердыни не получали уже несколько десятков лет.

Тэнери быстро шла по темным улицам форта. Ее путь освещали только отблески горящих домов. Переступая через валяющиеся повсюду трупы, она вовремя пряталась от распоясавшихся банд зуагиров, нагруженных добычей и тащивших за собой множество пленных женщин. Пробираясь через небольшой переулок, Тэнери услышала приглушенный стон. Всмогревшись в темноту, она увидела на распростертой фигуре шлем и сетчатую броню офицера имперской охраны. Поспешно подошла, нагнулась и вытащила кляп изо рта связанного человека. Она узнала Ардашира из Акифа. Неудачник почти задохнулся от дыма, который валил из горящего неподалеку дома, но каких-либо заметных ран не имел.

Тэнери освободила его от веревок, а когда он, поднявшись, начал громко чертыхаться, приложила палец к губам. С привычной для солдата дисциплиной он подчинился без возражений. Обратное путешествие в губернаторский дворец прошло спокойно. Пьяные бандиты, казалось, удовлетворились награбленным и покинули форт. Один раз произошло столкновение с парой пьяных кочевников, но зуагиры не могли равняться силой и быстротой с Ардаширом. Оставив позади окровавленные тела, парочка благополучно добралась до замка.

Потайной вход открылся, пропуская их внутрь. Ардашир неохотно последовал за Тэнери, поднимаясь по ступенькам к тому месту, где лежал Конан.

Узнав своего врага, Ардашир с проклятиями выхватил саблю. Тэнери поймала его за руку.

- Опомнись! Знаешь ли ты, что король Ездигерд наградит тебя, если

ты доставишь Конана живым?

Ардашир ответил:

- Король Ездигерд может оставить себе свое золото. Из-за этой свиньи была запятнана моя честь, и я...

- Придержи язык, дурак! Что произойдет с тобой, когда ты, без единой царапины, явишься к королю с сообщением о том, что случилось с его любимыми охранниками?

- Хм, -Ардашир замялся.

- Король отзовет самых искусных палачей, чтобы они придумали пытку, достойную твоего позора. Так что держи себя в руках. Или ты откажешься от богатства и высокого чина ради удовлетворения своей примитивной мести?!

Ворча, но уже успокоившись, Ардашир вложил клинок в ножны и помог девушке связать варвару руки и ноги. Когда они спустили Конана к выходу из замка, Тэнери сказала:

- Подождем, пока зуагиры уйдут. Пьяным кочевникам скоро наскучит город. Если мы поедем достаточно быстро, то через полдня будем уже в безопасности. Провизию возьмем в этом доме. Мы повезем нашего пленника прямо в столицу. Почти неделю он будет вести себя тихо. А уже через пять дней окажется в темнице короля в Аграпуре!

В темных глазах Тэнери сияло торжество, когда она смотрела на лежавшего, беспомощно раскинув руки, Конана.

ГЛАВА 4. ДВОРЕЦ НА СКАЛЕ

К Конану медленно возвращалось сознание, голова кружилась, желудок был скручен в тугой узел, горло пересохло. Последнее, что он помнил, - это то, как он сидел на роскошной кушетке Везус Чена, губернатора

форта Бакла. Теперь он оказался на куче прелой соломы в темной сырой камере. Варвар попытался изменить положение тела и услышал лязг цепей, сковывавших его запястья и лодыжки. Цепи тянулись к массивному выступу на стене. Из одежды на Конане осталась только набедренная повязка. Голова раскалывалась, язык не мог прикоснуться к горячemu нёбу, варвар чувствовал сильный голод и жажду. Очень досаждала боль в голове. Конан прорычал громоподобным голосом:

- Охрана! Я умираю от голода и жажды, принесите мне еды и питья! Кто-нибудь есть в этом проклятом месте?!

Через некоторое время раздался звук шагов - и толстый тюремщик появился по другую сторону решетки, закрывавшей вход в камеру:

- А, собака, проснулся! Знаешь ли ты, что находишься в подземной

тюрьме короля Ездигерда в Аграпуре? Вот пища и вода. Подкрепись перед встречей с королем.

С этими словами он просунул в камеру каравай хлеба и маленький кувшинчик воды, потом зашагал прочь, злорадно хихикая. Голодный киммериец накинулся на еду. Громко чавкая, он проглатывал большие куски черствого хлеба, запивая водой. Он не опасался яда: если бы король хотел убить его, то сделал бы это давным-давно - ведь Конан долго лежал без сознания и был совершенно беспомощен.

Он стал обдумывать, как выпутаться из неприятного положения, в котором так опрометчиво очутился. Конан находился в руках самого непримиримого из своих врагов. Не так давно король Ездигерд предлагал баснословную награду за голову Конана. Множество раз на варвара совершались покушения; нескольких подосланных убийц Конан прикончил своей рукой. Стойкая ненависть Ездигерда только возросла, когда киммериец завладел аквилонским троном. И вот теперь, благодаря женской хитрости, Конан оказался в руках своего безжалостного врага. Любой человек на месте киммерийца впал бы в отчаяние- но только не Конан!

Реально оценивая положение, изобретательный ум варвара с полным спокойствием искал выхода из создавшейся ситуации, обдумывая различные планы освобождения и мести. Глаза пленника сузились, когда раздались тяжелые шаги в коридоре. Прогремели отрывистые слова команды, и шаги смолкли. Через решетку Конан смог разглядеть охранников с кривыми саблями в руках. Двое из них держали наизготовку тяжелые руки. Высокий, дюжий офицер, одетый в позолоченный панцирь, стоял чуть поодаль. Конан узнал в нем дикого Ардашира, который резким и грубым голосом отдавал команды:

- Шапур и Вардан! Надежно связите варвара и набросьте ему на шею петлю! Стрелки, быть наготове!

Двое солдат, выполняя приказ, вошли внутрь камеры. Один из них нес бревно в шесть футов длиной и несколько дюймов толщиной, другой - толстую веревку. Ардашир не отрываясь следил за киммерийцем. В его глазах сверкало злорадство, а пальцы непроизвольно подергивались от желания ударить, но, обладая железным самоконтролем опытного офицера, турец сдерживал себя. Губы его искривились, и слова вырвались со свистом:

- Одно малейшее движение, варварская собака, - и твое сердце познакомится с искусством моих стрелков. Я дорого бы заплатил за возможность самому убить тебя, но ты предназначен королю, который

превратит тебя в кусок мяса!

Голубые глаза Конана холодно смотрели на бешенство офицера, на солдат, привязывавших бревно к его плечам и стягивавших ему руки. Без видимых усилий Конан напряг мускулы на руках, так что веревки оказались натянуты гораздо слабее, чем думали его тюремщики. Охранники разомкнули кандалы. Конан прорычал:

- Вы, туранские псы, когда-нибудь попадетесь мне. Вот увидите!

Лицо Ардашира совершенно исказилось от ярости, и он сплюнул.

- Посмотрим, краснорукая крыса! Королевские палачи изобрели кое-что такое, от чего кричит даже душа! Скоро они примутся за твои косточки! - Он резко засмеялся, - Но достаточно, извольте идти, ваше величество, жаба Аквилонская!

Он махнул охранникам, и небольшая процессия тронулась в путь. Варвар шел, привязанный к палачам. Конан был внешне спокоен. Он бывал во многих переделках и всегда благополучно выкручивался. Киммериец напоминал пленного волка - был постоянно настороже, выискивая шанс изменить свое положение. Он не занимался самобичеванием, не предавался бесполезному гневу на врагов, а искал ошибки в их действиях. Его ум и нервы были сконцентрированы на дальнейших событиях.

Каменные ступеньки извилистой лестницы вели наверх. Поскольку никто не завязывал ему глаза, Конан подмечал каждую деталь. Темница находилась глубоко под землей. В ней было несколько этажей, и везде стояли охранники с обнаженными мечами и пиками в руках.

Дважды Конан мельком смотрел в узкие окна, мимо которых они проходили. Темное небо указывало на то, что снаружи рассвет или вечер. Теперь варвар понимал, что представлял из себя таинственный плеск, который он слышал по дороге. Дворец был построен на окраине Аграпура и находился на горе, вернее, на скале, нависавшей над морем Вилайет. Темницы были вырублены в центре скалы, окруженнной горами и морем. Вот почему через узкие окна Конан мог видеть только кусочек неба. Хотя узник и конвой еще не достигли поверхности, Конан внимательно фиксировал каждую деталь пути. Дворец поразил бы любое воображение. Они шли через комнаты, в которых были фонтанчики, украшенные драгоценными вазами. Экзотические цветы росли повсюду. Шаги отдавались эхом под сводчатыми потолками. Ковры застилали полы, повсюду висели картины. У каждого поворота неподвижно, как статуи, стояли закованные в латы солдаты. Роскошь Востока раскрывалась в полной мере, она была великолепна.

Группа остановилась перед массивными воротами из чистого золота.

Высотой в добрых пятьдесят футов, они поражали своими размерами и красотой. Загадочные знаки обрамляли их поверхность, на которой были изображены драконы, герои и колдуны гирканских легенд.

Ардашир рукояткой меча ударил в золотой гонг, висевший прямо перед воротами. В ответ огромные створки начали раскрываться, шепот множества людей достиг ушей Конана.

Тронный зал был больше любого другого, виденного ранее Конаном. Роскошь государственных палат Офира и Немедии, резные залы Асгарда и Ванахейма не шли ни в какие сравнения с этим помещением. Гигантские мраморные колонны поддерживали крышу, уходившую в небо. Громадное количество факелов, ламп, канделябров освещало дорогие портьеры, gobелены, занавеси. Позади трона виднелись окна из цветного стекла, закрытые перед наступлением ночи. Блестящая толпа придворных заполняла зал. Собравшихся было около тысячи. Среди них можно было увидеть: немедийцев - в кафтанах и кожаных сапогах; офорцев - в волнистых накидках; приземистых черноволосых шемитов - в шелковых одеждах; ренегатов из зуагиров; вендейцев - в выпуклых тюрбанах и тонких одеждах; представителей варварских черных королевств знайного юго-запада. Одинокий рыжеволосый воин далекого Севера, одетый в черную тунику, угрюмо смотрел перед собой, сжимая сильными руками рукоятку обоюдоострого меча. Некоторые присутствующие оказались здесь, спасаясь от гнева своих правителей, другие были просто предателями, часть являлась послами. Ненасытное сердце короля Ездигерда никогда не было удовлетворено размерами своей быстро растущей империи. Кроме военного вторжения для увеличения ее размеров он использовал и много окольных путей.

Золотые трубы прогремели в зале. Толпа гостей посторонилась - и небольшая группа с Конаном во главе снова пришла в движение.

Около трона располагалась небольшая кучка оживленно переговаривающихся людей. На Конана смотрели с любопытством. Да и он сейчас с любопытством приглядывался к тому, кто восседал на троне. С этим восточным демоном он сражался в течение нескольких лет - и как предводитель зуагиров, и как адмирал пиратов Вилайета, и как главарь горцев Химелии, и как вожак мунган. Но еще ни разу он не встречался со своим непримиримым врагом лицом к лицу.

Он даже не заметил, как глаза рыжеволосого северянина широко раскрылись в изумлении. Взгляд этого воина неотрывно следил за киммерийцем, когда тот приближался к трону.

Король Ездигерд был смуглым гигантом с короткой черной бородой и

тонким жестоким ртом. Хотя невоздержанность туранского двора наложила па него свой отпечаток, он был сильным человеком с огромными мускулами и большим запасом жизненных сил. Блестящий стратег и ненасытный грабитель, Ездигерд более чем вдвое расширил свою империю, доставшуюся ему от предшественника Илдиза. Он выжимал дань из городов-государств Бритунии и восточного Шема. Его блестящие наездники громили армии таких далеких стран, как Стигия и Гиперборея. Хитрый король Заморы, Митридат, уничтожив укрепления своих пограничных городов и пресмыкаясь перед завоевателем, с трудом удерживался на своем троне.

Одетый в роскошные, шитые золотом одежды, король развалился на троне с обманчивым благодушием отдыхающей пантеры. Справа от него сидела женщина. Конан почувствовал, как закипела его кровь. Тэнери! Ее прекрасное тело было облачено в открытую одежду знатной туранской дамы. Бриллиантовая заколка сверкала в черных волосах. Глаза с триумфом смотрели на связанную фигуру пленника. Она засмеялась вместе с окружавшими трон придворными, восторгаясь жестокой шуткой короля.

Группа остановилась перед троном. В глазах Ездигерда светился нескрываемый триумф. Наконец-то он изловил человека, который убивал его солдат, жег его города и топил его корабли. Страшное желание отомстить горело в сердце тирана, хотя внешне он держался спокойно. Охранники опустились на колени, уткнувшись в мраморный пол. Конан небрежно кивнул. Его взгляд пылал холодным пламенем, варвар стоял независимо и прямо смотрел королю в глаза. Каждая клетка его тела демонстрировала презрение и бросала вызов королю. Даже в одной набедренной повязке он излучал покоряющую власть. Шепот о его легендарных битвах и подвигах то и дело пробегал по блестящей толпе. Многие из присутствующих в своих далеких странах знали варвара под другими именами.

Ардашир, стоя на коленях, изо всех сил тянул конец веревки, пытаясь согнуть киммерийца в поклоне. Черная ярость была написана на его лице, когда он видел, с каким презрением варвар относится к этикету двора. Ардашир тянул ожесточенно, стягивая петлю на шее Конана. Но, против его ожидания, пленник стоял твердо, как скала. Мощные мышцы на его шее надулись от напряжения. Затем Конан вдруг резко нагнулся и тотчас выпрямился снова, потянув веревку на себя. Ардашир упал с колен и с грохотом растянулся на мраморном полу.

- Туранский пес! - голос Конана загремел, подобно грому. - Ты ведешь войну с помощью женщины. Можешь ли ты сам держать меч в руках?! Я

покажу тебе тогда, как сражается настоящий человек!

В течение своей короткой речи Конан расслабил мускулы, и веревка повисла свободно. Легким движением он поймал конец веревки и освободил правую руку. Затем так же быстро освободил и левую. Ардашир в это время поднялся с пола и попытался ударить Конана саблей. Конан ухватил поудобнее бревно и опустил его на голову туранского офицера. Тот дернулся и затих. Остальные стояли без движения, словно зачарованные магической силой варвара.

Конан оценил обстановку и моментально воспользовался паузой. Он ударили в лицо одного из охранников. Обливаясь кровью, человек полетел на пол. Не мешкая, Конан швырнул бревно в толпу ближайших от него охранников, уже вынимавших оружие.

Затем быстрый и гибкий, как леопард, Конан прыгнул вперед и выхватил саблю из рук лежавшего без сознания Ардашира. Несколько придворных попытались преградить путь рвущемуся к трону киммерийцу, но он легко прорвался через заслон, оставив позади несколько трупов. Варвар взбежал на возвышение. Когда Конан приблизился, король уже встал и встретил киммерийца стремительным ударом сабли. Бриллианты сверкнули на ее рукоятке, когда Ездигерд парировал удар Конана, целившегося ему в голову. Удар был настолько силен, что сабля короля сломалась. Лезвие Конана рассекло многочисленные складки его белоснежного тюрбана, разручило драгоценные украшения и остановилось, оставив вмятину на металлическом шлеме, который Ездигерд всегда носил под тюрбаном. Хотя удар был недостаточно точным, чтобы раскроить череп, он все-таки оглушил короля и отбросил его назад. Ездигерд упал на трон и опрокинул его. Король и трон покатились по ступенькам прямо на группу спешивших на помощь охранников, расстроив их атаку. Конаном овладела горячка битвы, он попытался добить короля, но верные руки уже унесли самодержца. Со всех сторон мечи, копья стали теснить почти безоружного варвара.

Но сабля Конана буквально смела смертоносную сеть стали вокруг. Варвар превзошел себя в мастерстве рукопашного боя. Несмотря на пребывание в темнице и долгое действие наркотика, киммериец горел жаждой жизни. Если ему и суждено погибнуть, то он умрет с оружием в руке, смеясь и убивая, воздвигнув себе постамент из трупов в зале Героев. Он кружился в неистовом танце смерти. Молниеносные удары сыпались на его врагов. Одни валялись на пол с развороченными внутренностями, другим сабля пробивала броню, пронзая сердце. Конан производил самое настоящее опустошение. Могучий, как лев, он в одно мгновение очистил от

солдат и придворных возвышение для трона - и нападавшим пришлось отступить, исключая разве тех, кто грудой лежал на полу.

Одна только ошеломленная Тэнери осталась сидеть в своем кресле. Громко смеясь, Конан сорвал с нее сверкающую диадему, а женщину безжалостно швырнул в толпу, окружавшую трон.

Воины выдвинулись вперед с обнаженными мечами в руках и, закрывшись щитами, постепенно окружали возвышение для трона. За спинами у них расположились стрелки, приготовив луки. Придворные группами стояли в различных концах зала, зачарованно наблюдая за происходящим. Конан внимательно следил за противниками. Из многочисленных ран, полученных им в схватке, текла кровь.

Окруженный со всех сторон, плохо вооруженный, только молниеносностью своих ударов он спасался от смертоносных лезвий. Близкая гибель мало беспокоила его, он решил, что если придется умирать, то надо, по крайней мере, прихватить с собой в дорогу побольше попутчиков.

Внезапно с внешней стороны кольца окруживших его врагов послышался лязг стали. Гигантский воин в черном прокладывал путь к трону, оставляя за собой кровавый след. Могучим прыжком рыжеволосый северянин прыгнул на возвышение. Левой рукой он подхватил два щита и бросил один Конану.

- Лови!

Их взгляды встретились.

- Рольф, что ты здесь делаешь, старый полярный медведь?!

- Я расскажу тебе позднее,- крикнул северянин.- Если мы сможем уйти отсюда. А если нет, то я умру, сражаясь рядом с тобой.

Внезапное появление такого мощного союзника подняло дух Конана.

- Идите сюда, шакалы, - насмехался он, размахивая своей окровавленной саблей. - Чья очередь отправиться в ад? Нападайте же - или я сам атакую вас!

Сплоченные ряды туранских воинов по-прежнему окружали возвышение.

Два варвара-гиганта стояли бок о бок, один - черноволосый, почти обнаженный, другой - огненно-рыжий, одетый в черное.

Они напоминали королевских тигров, окруженных боязливыми охотниками. Никто из охотников не решался нанести удар.

- Стрелки! - крикнул офицер. - Засыпьте их стрелами!

- Они пристрелят нас! - прорычал Рольф. - Как жалко, что на нас нет асгардских панцирей, тогда бы мы только посмеялись над этими жалкими

крысами!

- Не вешай носа! - Конан оставался совершенно спокойным. - Видишь ряд окон?! Так вот...

Он быстро прошептал несколько слов своему товарищу, и тот согласно кивнул. Два гиганта внезапно бросились вперед, их сабли мелькали с головокружительной быстротой. Два охранника рухнули в лужу собственной крови, остальные от этой внезапной атаки отпрянули назад.

- Следуй за мной, Рольф! Мы одурачим этих собак! - рычал киммериец, рубя направо и налево.

Мечи варваров проложили кровавую дорогу. Громадный северянин бился изо всех сил, кося туранцев, как спелую пшеницу. Конан резко развернулся. Рольф следовал за ним по пятам, расшивыривая толпу и завершая работу, начатую киммерийцем. Гудящий бас Конана наполнял зал, в глазах сверкало неистовство берсерка. Никто не мог устоять перед их движением. Туранцы укрывались за щитами, тщетно выставляя пики и не помышляя об ответной атаке, полностью ошеломленные внезапным нападением. Тело Конана покрывали многочисленные раны, одежда Рольфа была изодрана в клочья. Груды трупов, валявшихся на полу, говорили о силе этой пары. Наконец они достигли большого окна, куда так упорно прорывались. Несколько секунд варвары бились с такой маниакальной страстью, что солдаты на мгновение отпрянули и освободили дорогу. Казалось, из глубины царства тьмы вышли сказочные великаны, страшные и непобедимые.

Конан использовал этот момент с максимальной пользой для себя. Под ударом его сабли оконное стекло разлетелось вдребезги, образовав зияющий пролом. Бросив, а скорее, метнув, свои щиты и мечи в лица врагов, киммериец и северянин бросились через окно в море, которое плескалось двумястами футами ниже. Их презрительный смех долетел до ушей оставшихся в зале врагов?!

- Стрелки! Стрелки! Немедленно убейте их! - голос офицера сорвался на визг. Пять человек подступили к окну, вооружившись гирканскими луками. Спустя мгновение вдогонку беглецам тонко запели стрелы... Затем один из лучников, пожав плечами, повернулся к офицеру.

- Их плохо видно. Я не могу сказать точно, но скорее всего они уцелели.

Езидгерд уже оправился от шока. Только повязка на голове говорила о его участии в происшедшей схватке. Окинув взором картину страшного разгрома, он в гневе ударил кулаком по стоявшему рядом столику, смахнув с него вазу и кувшин с вином.

- Вы осмелились упустить их?! Краснорукие варвары смогли убежать и насмехаются теперь над величием Турана! Мои солдаты не могут убить двух человек?! Каждый десятый из сегодняшней охраны умрет завтра утром в назидание всем остальным! - Он продолжал низким голосом: - Снарядить две военные галеры. Варвары, без сомнения, попытаются украсть чью-нибудь лодку. Поймаем их. Укомплектуйте экипажи лучшими матросами и солдатами, выберите самых ловких гребцов. Когда я поймаю этих собак, в руках моих палачей они испытают агонию тысячи смертей.

Он рассмеялся, оживленный этими надеждами, иластным жестом отослал своих генералов. Те подобострастно бросились выполнять приказания своего повелителя.

Рыбак Шосри сидел на борту своей лодки и чинил сеть, которую разорвал огромный осетр. Штопая сеть, он проклинал свою несчастную судьбу. Рыбак должен две золотые монеты и пятьдесят фунтов рыбы купцу из Шема, у которого он купил эту сеть. Но что делать бедному, живущему впроголодь рыбаку? Ему нужна сеть для ловли рыбы. Она необходима для него самого и для его семьи. Шосри с нескрываемой ненавистью посмотрел на дворец, вырисовывавшийся при лунном свете. Замок походил на гигантского грифа, обосновавшегося на скале. Королевские сборщики налогов имели гибкие кнуты и не испытывали угрызений совести, употребляя их. Рубцы и шрамы на спине Шосри говорили о побоях, испытанных им, когда он возвращался домой с пустыми руками.

Внезапно шлюпка потяжелела. Шосри подпрыгнул, глаза его от ужаса вышли из орбит. Огромный, почти обнаженный человек взбирался в лодку, с черных волос капала вода. Незнакомец показался Шосри демоном моря, пришедшим из неведомых глубин, чтобы погубить его душу и сожрать его тело. В следующий момент пришелец сидел на баке, тяжело дыша. Затем он заговорил по-гиркански, хотя и с варварским акцентом. У Шосри немного отлегло от сердца: по слухам, демоны были лишены дара речи. Однако он до сих пор дрожал, глядя на свирепого гиганта. Ужас бедного рыбака возрос, когда он увидел, что в лодку карабкается другой, не менее ужасный человек, одетый в черную тунику и с кинжалом за поясом.

- Успокойся, рыбак, - пробасил черноволосый гигант, - мы не причиним тебе вреда, нам нужна только твоя лодка.

Он вытащил из своей набедренной повязки сверкающую диадему.

- Вот плата, и более чем достаточная. Мы можем купить за нее десять таких лодок. Согласен?

Он протянул диадему.

Шосри молча кивнул и резко, точно испуганная мышь, схватил

украшение. Он вылетел из лодки и со скоростью, какую только мог развить его слабый организм, поплыл к берегу. Его странные покупатели не теряли времени даром: быстро поставили парус - и он тотчас наполнился свежим морским бризом. Лодка взяла курс на восток. А Шосри, уже на берегу, все еще не веря своим глазам, рассматривал диадему баснословной стоимости, звенья которой сияли брызгами белого огня.

ГЛАВА 5. МОРЕ КРОВИ

Ветер свистел, соленые брызги срывались с бурных волн, летели в лицо. Конан, глубоко дыша, наслаждался свободой. В голове проносились многочисленные воспоминания о тех далеких днях, когда он был главой пиратов моря Вилайет и превращал туранские порты в груды дымящихся развалин. И все же Вилайет так и остался морем, на котором господствовали тяжелые галеры Турана. Торговля держалась силами купцов из небольших стран северо-восточного побережья, но путь купцов всегда был полон опасностей. Туранские капитаны часто грабили и топили их суда. Предлог был прост: нарушение интересов королевского дома Турана. Кроме жадных туранских моряков существовала и другая, не менее грозная опасность - пираты.

Пестрые орды беглых рабов, всевозможных преступников-авантюристов, ни в грош не ставивших человеческую жизнь и превыше всего ценивших только золото, вольготно чувствовали себя в этих водах и представляли немалую силу. В лабиринтах островов, лежавших на юге и на востоке, находили они тайные убежища.

К глубокому удовлетворению короля Турана, внутренняя грызня ослабляла мощь пиратов, пока среди них не появился варвар из западных стран, голубоглазый и черноволосый. Конан положил конец грызне между пиратами и взял полноту власти в свои руки. Он объединил рыцарей удачи, превратил их из разрозненных шаек в страшную армию, разящую прямо в сердце Турана. Конан улыбнулся, вспоминая те дни, когда его имя было на устах во всех вилайетских гаванях, а в храмах шли торжественные молебны об избавлении Турана от страшной напасти.

Лодка была добросовестно сработанным суденышком и к тому же в отличном состоянии. Ее острый киль, подобно сабле, легко резал воду, единственный парус тую наполнял ветер. Со временем бегства из Аграпура прошло двенадцать часов. Конан полагал, что их скорость не уступает скорости военных кораблей Турана. Если ветер стихнет, им придется тую. Они не смогут уйти от весельных галер, приводимых в движение десятками крепких рук. Но ветер и не думал стихать.

По пути Рольф рассказывал долгую историю своих странствий и

приключений, приведших его в Аграпур.

- Теперь я - беглец из моего родного Асгарда и Турана одновременно!

- Почему ты присоединился ко мне? - спросил Конан. - Разве тебе было плохо при Туранском дворе?

Рольф посмотрел на него с обидой.

- Ты думаешь, я забыл, как ты спас мне жизнь в битве с гипербореями в горах Гракала?! Конан хитро ухмыльнулся.

- А ты думаешь, я помню? С тех времен прошло столько битв, что я и сам забыл...

Он поднял руку к глазам и посмотрел на чистую голубую линию горизонта.

- Я не сомневаюсь, что, по крайней мере, пара военных галер висят у нас на хвосте, - сказал он твердо. - Мошенники, должно быть, хотят отомстить. Я думаю, король Аграпура не скоро забудет, как мы потрепали ему бороду.

- Верно, - хмыкнул Рольф. - Я надеюсь, этот ветер продержится - или мы повстречаемся с галерами.

Конан изменил тему разговора.

- В былые дни, - произнес он мечтательно, - этот район был местом схватки с купцами из Султанапура или из Канарии. Купцы сражались хорошо, море покраснело от крови, прежде чем мы взяли верх. Полагаю, пиратские корабли тоже могут оказаться подле нас.

Его влажные глаза продолжали осматривать горизонт. Внезапно взгляд киммерийца стал твердым, как у льва, увидевшего свою жертву, и варвар ударил рукой по борту.

- Рольф, мы не одиноки! Этот желтый парусник еще далеко, но в нем, несомненно, пираты. Надо опустить парус и подождать; они будут здесь через полчаса и возьмут нас на борт, если, конечно, захотят!

Конан терпеливо ждал приближения судна, внешне оставаясь спокойным и даже флегматичным.

Варвар упивался скрипом рангоутов и криками отдающего приказания боцмана. Желтый парус пыпал в полуденном солнце. Черный флаг братства трепетал в воздухе. Конан и Рольф медленно подгребали к судну. На палубе толпились люди в разноцветных одеждах. Некоторые из них были в восточных тюрбанах, другие - в стальных шлемах. Многие были бритые. Грохот и шум стихли, холодные жестокие глаза пиратов изучали странников в лодке.

Небольшое суденьшко пристало к борту корабля. Рука об руку Конан и Рольф взобрались на борт с легкостью бывалых моряков. И тотчас

оказались в полукруге любопытных пиратов, засыпавших их вопросами. Конан узнал несколько человек, плававших когда-то под его началом.

Он прорычал:

- Ослы, вы что, не узнаете меня?! Ваша память так коротка, что вы не можете вспомнить мое имя, или, может быть, вы стали плохо видеть?!

Несколько человек в толпе побледнели, отступая назад; они узнали своего бывшего предводителя.

Один из пиратов прошептал:

- Призрак, клянусь Таримом! Эрлик, спаси нас! Это же наш старый капитан поднялся из могилы!

Пират, хотя и не был ветераном, с очевидным ужасом смотрел на Конана.

- Ты умер много лет назад, когда вампиры с Колкианских гор напали на тебя. Убирайся, дух, или мы все погибнем!

Конан весело рассмеялся, в приступе смеха хлопнул себя по бедрам, выхватил кинжал и с силой бросил в палубу. Тот глубоко вошел в дерево, и ручка его задрожала. Затем Конан вытащил оружие.

- Пришел ли ты в себя, Артус? - сказал он, давясь от смеха. - Может ли призрак оставить метку в доске? Подойди, человек, и я докажу тебе, что я живой, а если ты не поверишь, то я могу в доказательство пробить в придачу несколько голов. Я бежал и от вампиров, и от туранцев, а что случилось со мной потом - вам не интересно. Ну, признаешь ли ты меня теперь?!

Старый соратник Конана улыбнулся и бросился к нему. Люди, никогда не видевшие Конана, с любопытством рассматривали человека, о чьих подвигах до сих пор рассказывали легенды за кружкой вина по вечерам.

Внезапно чей-то голос прорезал шум:

- Что здесь происходит? Черт возьми! Кто это? Подойдите ближе!

Высокий человек, облаченный до пояса в светлую броню, стоял на капитанском мостице, опираясь на перила. Яркий красный платок был повязан вокруг его головы. Рваный шрам от глаза до подбородка обезображивал и без того некрасивое его лицо, длинное и узкое.

- Это Конан, капитан! - крикнул шкипер Артус. - Наш старый вожак вернулся!

Глаза пирата сузились при виде Конана. Злобный огонек зажегся в зрачках, когда капитан окинул взглядом бронзовую фигуру киммерийца. Он хотел что-то сказать, но Конан перебил его:

- Ты не очень-то рад видеть меня, Ванан? Вспоминаешь, как я пнул тебя, когда ты хотел прикарманиТЬ добычу. принадлежавшую всем? Теперь

ты даже ухитрился стать капитаном? Плохи, значит, теперь дела у братства. Ну и времена!

Ванан, сплюнув, процедил:

- Вот что, варвар, я повешу тебя за пятки и буду жарить на огне! Здесь я капитан - и поэтому отдаю приказы!

- Что ж, может быть, но я до сих пор член братства, - возразил Конан.

Он вызывающе огляделся, никто не посмел возразить.

- Я требую удовлетворить мое право, согласно уставу братства. Каждый член братства, который захочет стать капитаном, может вызвать на дуэль своего противника.

И Конан выхватил кинжал. Это было грозное оружие с широким восемнадцатидюймовым лезвием, но ему было далеко до меча. Киммериец и Рольф бросили свои сабли, когда удирали от турецких, так что это было единственное его оружие. Экипаж зашептался. Все знали, что по правилам дуэли Конан мог сражаться только тем оружием, которое у него было, тогда как Ванан мог выбирать. Кроме того, на Ванане была броня, что во много раз повышало его шансы на успех.

- Это безумие, Конан! - Артус схватил Конана за локоть. - Ванан изрубит тебя на куски. Я сам видел недавно, как он сражался сразу с тремя и всех их убил. Мы сами смешишь его и выберем тебя капитаном. Все твои старые друзья будут с тобой.

Конан мотнул головой и прорычал:

- Экипаж наполовину состоит из новичков, не знающих меня, и не примет такое решение. Появятся различные партии, и наша сила ослабнет. Надо идти традиционным путем!

Моряки уже расчищали пространство вокруг мачты. Ванан подошел с улыбкой на жестоком лице, в руках он держал свой испытанный прямой меч. Это было оружие, сделанное великим мастером; его острые края постепенно сужались, заканчиваясь в одной точке - острой, как зуб остроги.

Конан крепко сжал кинжал и шагнул к мачте. Круг в шесть ярдов диаметром был уже готов. Правила схватка не отличались сложностью. Атаковать и сражаться противники должны только внутри круга. Дозволялась любая хитрость. Схватка продолжалась до смерти одного из противников - или прерывалась, когда один из участников дуэли был сильно ранен и не мог больше сражаться. В таком случае его просто выбрасывали за борт. Если один из участников выходил из круга, наблюдавшие должны были втолкнуть его обратно.

Конан вошел в круг. Ванан мгновенно прыгнул вперед, рассекая воздух

сильным, свистящим ударом. Но варвар был опытен; моментально отскочив, он в свою очередь сделал короткий выпад, от которого Ванан едва увернулся. После этого Ванан стал двигаться гораздо осторожнее, несмотря на то, что имел полное преимущество. Длина его оружия уравновешивала силу и рост противника. Он снова пошел во внезапную атаку, под . крики одобрения одних и проклятия других. Но молчаливый киммериец хладнокровно парировал удары и продолжал крутиться вокруг мачты. Конан игнорировал насмешки пиратского капитана и призывы зрителей сражаться до конца. Ванан попытался употребить хитрость. Конан и он оказались по одну сторону мачты. Могучим прыжком капитан рванулся вверх и в сторону, чтобы нанести удар по незащищенной голове Конана. Конан мгновенно среагировал: вместо того, чтобы отскочить назад, он бросился вперед. Лезвие Ванана рассекло воздух за спиной Конана, тогда как варвар по рукоятку всадил клинок кинжала в тело своего противника, пробив броню. Пират с проклятиями рухнул на палубу, захлебываясь в крови. Меч выпал из его руки. Конан нагнулся и, подняв труп, с размаху швырнул его в море. Подобрав меч, он окинул взглядом ряды пиратов.

- Кто теперь капитан, мои мальчики?!

Крики "Конан!" рассеяли всякие сомнения киммерийца. С минуту постоял он, наслаждаясь почестями, потом его громоподобный голос призвал к тишине.

- Моряки и гребцы, ребята! Там, на мачте, наблюдайте за морем! Король Ездигерд идет по моему следу. Но мы посмеемся над ним, клянусь Кромом!

Услышав об этом, экипаж проникся к Конану полным доверием. Многие помнили киммерийца по прежним подвигам. История этих подвигов передавалась из уст в уста.

Конан могучим прыжком очутился на мостице.

- За работу, курс на юго-восток!

Рулевой изменил направление. Желтый парус наполнился бризом. Корабль совершил изящный поворот. Судно, подгоняемое ветром, бежало "быстро, подобно оленю".

- Так ты думаешь, что я сумасшедший, Артус? Клянусь Кромом, Ездигерд думает то же самое!

Конан от души рассмеялся, сидя в кресле с бокалом вина в руках. Варвар сидел в каюте своего предшественника и был одет в его одежды. Алого цвета бриджи, сапоги цвета моря, желтая рубашка из вендинского шелка с широкими рукавами, разноцветный пояс на талии. Красная

косынка была повязана вокруг его головы. Длинный кинжал с резной рукояткой торчал за поясом, обмотанный тряпкой.

Вместе с Конаном в каюте сидели Рольф и Артус. Нахмутившись, последний поставил свой бокал на стол.

- Конан, я знаю тебя много лет, но то, что ты делаешь - безумие. Зачем самим лезть в пасть турецким? Ты можешь хотя бы в общих чертах рассказать, что замышляешь? Ездигерд приведет не менее двух больших галер. Я стар и трезв и достаточно много размышлял об этом. Что ты задумал?!

С внезапной серьезностью Конан поднялся и подошел к золоченому деревянному буфету. Открыв створку, он достал свиток пергамента, выложил его на столик и неторопливо развернул. Это была карта района, в котором они находились.

- Здесь находимся мы; Ездигерду потребуется четыре дня, чтобы достичь этого места. Турецкие корабли плавают достаточно быстро. Учитывая их среднюю скорость, я высчитал, что сейчас они находятся тут, - он ткнул пальцем в карту. - При выбранном курсе и скорости движения мы встретимся с Ездигердом у архипелага Зулази.

- Что, Зулази?!. - Артус запнулся. - Это опасные воды. На карте не отмечены узкие проливы. Этого места избегает любой нормальный человек. Говорят, архипелаг часто посещают демоны и чудовища, а те моряки, что ступают на берег, никогда не возвращаются.

- Пустые бредни! - прорычал Конан. - Я две недели жил в северной части самого большого острова, когда однажды потерпел кораблекрушение. Там не было никого, кроме племени желтокожих дикарей - они хотели принести меня в жертву своему ящероподобному богу!

От этих страшных воспоминаний волосы у киммерийца встали дыбом. Конан не только выжил на земле дикарей, но еще и убил нескольких чудовищ, которые обитали на земле давным-давно, но каким-то чудом сумели дожить до наших дней и теперь терроризировали местное население. Конан не любил углубляться в свое бурное прошлое, только настоящее приковывало его внимание. Он стоял в полной тишине, разглядывал карту. Затем внезапным движением смахнул ее на пол и повернулся к друзьям.

- Ты прав, Артус! Эти проливы не нанесены на карту. Турецкие их не знают. В этом наше преимущество.

Мускулы играли на потных спинах рабов-гребцов. Весла ритмично подымались и опускались, неся громадные военные суда по волнам. Здоровенный надсмотрщик наблюдал за гребцами, держа в руках плеть; его

кожа тоже лоснилась от пота. Плеть то и дело взвивалась в воздухе, словно жалящая кобра, оставляя следы на спинах гребцов. Рабов на турецких кораблях безжалостно наказывали и, пожалуй, нигде так жестоко с ними не обходились, как на флагманском корабле короля Езидера "Скимитар". Король возлежал на кушетке, стоявшей на корме под навесом, и держал в руке бокал с вином. На такой же кушетке, расположенной рядом, сидела госпожа Тэнери. Король выглядел мрачным. Его угрюмый вид не обещал окружающим ничего хорошего. Повернувшись к Тэнери, он произнес:

- Силы зла помогают киммерийцу. Он, наверное, похитил шлюпку сразу же после бегства. Моим адмиралам понадобилось полдня, чтобы снарядить флагман! Как назло, ветер изменил направление. Мы еле движемся, точно улитки!

- Но все равно быстрее, чем они, - возразила Тэнери, лениво посматривая на короля из-под длинных ресниц. - Вдвоем они далеко не уйдут. Каждый взмах наших весел приближает киммерийскую голову к плахе. Будьте терпеливы, мой повелитель! Эрлик передаст варвара в наши руки!

- Этот мерзавец ловко избегает ловушек, расставленных на его пути. Теперь с этим покончено; я сам вышел на охоту. И сам поймаю его. Клянусь бородой моего отца Илдиза, он узнает, что значит моя месть!

Голос Езидера зазвучал бодрее, и его глаза наполнились новой энергией. Он поднес руку ко лбу и окунул взглядом сверкающие волны. Внезапно он сделал быстрый жест. Адмирал быстро подбежал к нему, сверкая позолоченным панцирем.

- Я вижу землю, Ютгиз. Изменили ли мы наш курс? - спросил король.

Адмирал прекрасно знал, каким вспыльчивым характером обладает король, поэтому быстро развернул карту и объяснил.

- Это архипелаг Зулази, мой повелитель. Киммериец, вероятно, будет вынужден запастись водой и пищей. Я полагаю, мы можем подождать его здесь, среди островов.

- Ты, вероятно, прав. Но пускай каждый человек будет настороже. Мы спрячемся среди островов?

- Этих вод мы не знаем, мой повелитель. Ужасные истории рассказывают об обитающих здесь чудовищах. Нам не стоит углубляться в глубь проливов. Мы сможем укрыться и за прибрежными скалами.

Король лежал, раздумывая, а Тэнери тем временем осматривала береговую линию. Внезапно ее глаза расширились от удивления. Одинокий желтый парус промелькнул за группой островов и мгновенно скрылся. Она пристально смотрела на скалы, боясь, что зрение ее обманывает, и надеясь

снова увидеть парус. Парус появился вновь.

- Глядите, мой повелитель! - закричала она. - Вон - неплохая добыча для ваших кораблей! Пират! Мы можем его захватить!

Остальные тоже заметили заклятых врагов. Быстро прозвучали слова команды. Экипаж начал готовиться к битве: передали сигналы, предупреждающие другую галеру. Солдатам приходилось в спешке занимать свои места. Стрелки карабкались на мачту, выбирая удобные позиции, группы здоровенных моряков стояли у бортов, держа наготове абордажные крючья.

Хотя острые глаза Конана не различали деталей, он знал, какие приготовления начались у врага с того момента, как он дал возможность обнаружить свой корабль. Пиратское судно давно было готово к битве. Все приказания капитана молниеносно исполнялись. Люди, сражавшиеся под командованием Конана раньше, рассказывали своим спутникам фантастические истории о былых морских сражениях. Наблюдая за приближавшимися туранскими кораблями, многие подогревали себя выкриками проклятий и взмахами сабель.

- Пригответесь уходить! - громкий голос капитана, подобно стали, разорвал воздух. Приказ привел экипаж в недоумение. Во главе с лучшим капитаном в мире пираты готовились к атаке - и что теперь делает этот капитан? Хочет бежать, подобно кролику?! Сбитые с толку, пираты смущенно переглядывались. Конан заметил их колебания и крикнул:

- Быстрее, вшивые шакалы, - или моя плеть погуляет по вашим спинам. Не считайте меня дураком, который будет сражаться сразу с двумя военными галерами, каждая из которых вдвое сильнее нашего корабля в открытом море! Не беспокойтесь, у меня есть план получше простой драки; у ваших мечей еще будет работа. А теперь надо уходить!

Огонь энтузиазма снова вспыхнул в глазах пиратов. Вскоре корабль направился в глубь архипелага. Перед началом операции Конан побеседовал с плотником. Информация, полученная от него, и знания Конана об этих водах вполне удовлетворили варвара.

Архипелаг Зулази состоял из двух больших и множества маленьких островов. Между большими островами был небольшой пролив, и именно туда направил свой курс корабль Конана. Туранские галеры на полной скорости устремились следом. Король Ездигерд расхаживал по палубе, одетый в серебряную броню и золотой шлем. На бедре висела богато украшенная сабля. Жестокий и мрачный монарх был бесстрашным воином и часто принимал непосредственное участие в битвах.

- Смотрите, эта желтая гиена хочет скрыться! - закричал он. -

Удивительно, но они еще пытаются играть с нами в прятки! Они потеряли ветер среди этих островов, и теперь мы без помех нагоним их. Быстрее!

Между тем к Ездигерду подошел шкипер и стал объяснять, что входить в пролив опасно. Адмирал тоже с сомнением покачал головой и отправился обратно на корму.

- Ваше величество, эти воды не исследованы. У нас нет карт, и мы можем сесть на мель. Я предполагаю подождать корсара в открытом море.

Ездигердластным жестом отмел все возражения адмирала. Он с раздражением сказал:

- Я повторяю вам, эти каналы станут нашей легкой добычей. Надо увеличить скорость - и мы возьмем их в клещи!

Казалось, все подтверждало слова короля. Корсар был уже близко, Туранцы, весело крича, готовились к абордажу. Ужас царил среди пиратов, Их продвижение было слишком медленным, и туранские корабли висели над ними, подобно ястребам, собирающимся вцепиться в беззащитного голубя. Рольф стоял молча, со спокойствием, присущим северным варварам, но Артус обратился к своему капитану.

- Капитан, туранцы настигнут нас быстрее, чем мы пройдем пролив! У нас нет даже шанса на спасение. Мы не можем маневрировать в этом узком пространстве, и их тараны разнесут нас в щепки. Надо скорее высаживаться на берег, в джунглях мы еще сможем сражаться и уцелеть. Клянусь Таримом, мы должны это сделать!

Конан не обращал внимания на его взволнованную речь и спокойно следил за приближением галер. Они и в самом деле выглядели грозно.

"Скимитар" шла впереди, сверкая на солнце своим десятифутовым бронзовым носом. Она казалась ангелом смерти, спустившимся с небес покарать грешников. "Скимитар" закрывала собой следующую за ней сестру, чуть меньших размеров.

- Прекрасно, клянусь Кромом! - спокойно сказал - Конан. - Хорошо идут, особенно первая, гребцы, должно быть, стараются изо всех сил. Тяжелые корабли, наверное, раза в два-три тяжелее нашего.

Он говорил легко, как бы подразнивая.

- Глубоко ли под нами?

- Пять сажен, капитан, и глубина возрастает. Мы прошли отмель, не царапнув днищем.

- Отлично, я так и знал, что мы проскочим это место. Теперь посмотрим, как это получится у наших преследователей.

"Скимитар", которая летела на полной скорости, внезапно остановилась. Раздался треск дерева - и обрывки снастей полетели в воду.

Крики ужаса огласили воздух, когда мачта начала с громким треском заваливаться вперед. Несмотря на старания гребцов, корабль крепко сидел на мели. Другой галере, казалось, повезло больше, У ее капитана, смелого и решительного человека, хватило сообразительности, чтобы вовремя отвернуть от опасного места. Но гребцы заметались, и галера понеслась на берег. Стارаясь не врезаться в скалы, она села на другую мель. Толпа на палубе корсарского корабля выла от восторга, отпуская нелестные замечания в адрес туранцев. Пираты восхваляли Конана, а в голосе шкипера слышалось явное восхищение.

- Эти галеры сели крепко, - усмехнулся Конан. - Я сомневаюсь, что в ближайшее время им удастся сняться с мели. А у первой наверняка проломлено днище.

- Капитан, с какой мы будем начинать?

Конан холодно окинул взглядом толпу, и в его голосе зазвучали нотки презрения:

- Туранские корабли в наших руках, друзья! Ездигерд не сможет убежать, он в ловушке! Я обещал найти работу вашим мечам, вы ее получите, - он замолчал на секунду. - Ветер свежеет, мы обогнем остров и нападем на них!

Руки всех поднялись вверх, одобряя решение капитана.

Король Ездигерд стоял на корме своего корабля, пылая гневом. По возвращению в порт он непременно прикажет повесить штурмана. Сейчас это сделать невозможно, нужно сниматься с мели. Вода, заполнившая трюм, говорила о том, что корабль, вероятно, уже никогда не вернется в строй. Близость пиратов также сдерживала короля.

- Я поймаю эту собаку, я поймаю его даже на краю Земли! - проскрежетал он. - Я чувствую, что это он командует кораблем пиратов.

Король посмотрел на "Звезду Корали", на которой полным ходом шла работа. Корабль дюйм за дюймом сползал с мели. Капитан озабоченно наблюдал за действиями гребцов, когда его внимание отвлек крик наблюдателя... Тот что-то бессвязно бормотал, размахивая руками.

Осмотревшись вокруг, капитан увидел желтый парус. Красивый и величественный корсарский корабль неторопливо приближался к ним. С его палубы доносились адские крики. Вдруг пиратский корабль помчался подобно стреле; атакуя "Звезду Корали", он с ходу ударил крепким носом в центр ее борта; от сильнейшего толчка кое-кто из растерявшихся матросов упал в воду, следом за ними полетели и увесистые деревянные обломки. Затем, сделав быстрый поворот и убрав паруса, корсар в мгновение ока стал борт о борт со своей жертвой. Крючья вцепились в борт туранского

корабля, а на его палубу посыпался град стрел. Туранцы смело встретили врага. Их капитан стоял в центре, отдавая приказы. Пираты волной обрушились на палубу, рубя налево и направо. Но вскоре их движение застопорилось из-за тучи стрел, которые обрушились с кормы. Только момент корсары медлили с новой атакой. Затем они неодолимо бросились вперед. Их возглавлял гигантский вождь, закованный в панцирь, - он несся по палубе с легкостью, казавшейся неправдоподобной. Туранцы не смогли устоять перед натиском этой орды. Ужасный меч Конана пробил брешь в стальных рядах противника. Дикая толпа заполнила корму и, точно мячики, разбросала туранцев. Капитан понял, что у него только один шанс спасти корабль - убить пиратского предводителя, и прыгнул навстречу Конану. Острия их мечей сошлись в стремительном танце смерти. Но туранец в мастерстве не мог сравниться с Конаном, ветераном более чем тысячи битв. Острый, как бритва, туранский ятаган лишь срезал черный локон с головы киммерийца, тогда как тяжелый меч варвара пробил панцирь капитана. Хогар, прижав руки к груди, осел на палубу, умирая. Со смертью туранского капитана сражение окончилось. Крики стали стихать. Конан удовлетворенно оглядел залитую кровью палубу. Он потерял несколько человек, но завладел грозным неприятельским кораблем. Несколько пиратов уже сбивали оковы с гребцов, радостно приветствуя среди несчастных своих давно потерянных друзей. Другие пираты угрожающе столпились, охраняя туранцев. Конан приказал во что бы то ни стало снять галеру с мели. Часть бывших гребцов перешла на пиратский корабль и пополнила его команду.

В таверне Онагрула, тайном прибежище пиратов Вилайета, громкие голоса требовали вина. Холодная прозрачная жидкость наполняла кубок Артуса, вокруг которого собралась толпа, жадно ожидавшая продолжения его рассказа. Седой шкипер промочил горло. Удовлетворенный, он вытер рукавом губы и наклонил голову к слушателям.

- Если бы вы, мальчики, были там! Большое и славное сражение мы выиграли. Затем мы обрушились на "Скимитар". Мы были подобны дьяволам из ада, но и они были готовы нас встретить. Они рубили наши крючья топорами и мечами, пока наши стрелки не отбросили их от борта. Потом могучим потоком мы ворвались на палубу. Мы рвались вперед, и каждый из нас жаждал смерти. Конан был впереди всех. Туранцы закрылись кругом мечей, но наш капитан былся так жестоко, что они не выдержали. Затем мы все навалились - и сражение стало неистовым. Туранцы - дисциплинированные и прекрасные бойцы из личной охраны Езидгерда сражались под началом своего короля. Был момент, когда чаша

весов колебалась, наши атаки кровавыми волнами откатывались от сплошных рядов туранцев. А затем настал триумф: галерные гребцы, разбив свои оковы и убив надсмотрщика, двинулись на палубу. Рабы вылезали на палубу, как души грешников из преисподней. Они не обращали внимания на туранские мечи и копья, бросаясь прямо на них. Другие взирались по трупам и душили туранцев прямо голыми руками. Я видел, как один раб-гигант схватил туранца и использовал его как дубину, пока стрелы не пронзили его самого. На королевской галере началось замешательство. Блестящие ряды заколебались. Конан издал крик и бросился в атаку. Мы последовали за ним, решив или победить, или умереть. В следующие минуты воцарился ад. Кровавой волной мы прошли по всему кораблю, от кормы до носа. Наши мечи рассеяли туранцев, точно ветер, развеивающий мякину, и заставили их давиться собственной кровью. Конан был подобен разъяренному тигру. Его обоюдоострый меч разил, как разряды молний. Трупы валились около него спелыми колосьями пшеницы, срезанной серпом. Он бросался туда, где затевались самые жаркие схватки, - и всегда его приход означал гибель для туранцев. Со свирепой настойчивостью киммериец двигался на корму, где стоял Ездигерд, отдававший приказы своей охране. Будто взбесившийся слон, Конан топтал туранских солдат. Люди падали вокруг него, как деревянные куклы. Потом Ездигерд издал крик ярости и сам бросился навстречу варвару. Я думаю, Ездигерд предпочел бы избежать встречи с ним, но бросился он смело. Яростные проклятия потоком лились с его губ.

- Я вижу, что ты здесь, киммерийская шавка! - рычал он. - Клянусь Эрликом, теперь ты получишь достойную награду! Смерть тебе, варварская собака!

Ужасный удар обрушился на голову Конана. Никто, кроме Конана, не сумел бы парировать удар такой чудовищной силы. Но Конан сделал это с быстротой, недоступной для глаза.

- Смерть тебе, туранский шакал! - прокричал он в ответ. Мгновение противники обменивались выпадами;

сражение вокруг стихло: все наблюдали за этим поединком. Под могучим ударом разлетелся щит короля, его левая рука была ранена. Следующий удар поразил Ездигерда в голову - и огромное тело короля упало на палубу. Вскоре после этого туранцы сдались. Мы взяли мало пленных, слишком много было убитых. Из наших двух сотен осталась только половина, но мы убили и захватили более трех сотен туранских собак.

Артус осушил свой кубок и налил еще. Во время паузы один из слушателей спросил:

- А что случилось с фавориткой короля? Кому досталась она?

Брови Артуза сомкнулись, и он вздрогнул.

- Нечто страшное завершило тот достопамятный день. Мы перевязывали раны, толпились около пленных, когда солнце потемнело и холод смерти пронесся по нашим рядам. Море завихрилось черными бурунами вокруг нашего корабля. Ветер застонал в снастях, подобно стае потерянных душ, хотя мы стояли с подветренной стороны скалы. Некоторые из нас закричали и стали указывать пальцами вверх. В небе появилась черная точка, росшая с гигантской быстротой. На первый взгляд она казалась похожей на птицу или на летучую мышь. Потом она превратилась в ужасный крылатый призрак фантастического человека. Он налетел на корму с душераздирающим визгом, который смертью коснулся наших сердец. На этот крик из небольшой каюты на корме, в которую никто еще не входил, выбежала женщина из Маупура. Монстр схватил ее и, махая крыльями, взвился над маслянистыми водами пролива, быстро набирая высоту. Через несколько секунд оба исчезли с глаз, и солнце вновь стало ясным. Мы смотрели один на другого с побелевшими лицами. Каждый спрашивал соседа, что случилось. Демон появился и исчез с такой быстротой, что у нас просто не было времени поддаться настоящей панике, только Конан смотрел без дрожи и даже не побледнел.

- Я уже видел эту штучку, - прошептал он.

- Некоторым из нас казалось, что дьявол похитил Тэнери, чтобы принести ее в ад в жертву Эрлику. Но другие, которые стояли ближе и лучше рассмотрели, что происходит, говорили потом, что на ее лице было такое выражение, как будто она сама вызвала это чудовище.

Конан отдал приказание очистить палубу от трупов. Мы принялись за работу. О похищенной Тэнери наш капитан сказал следующее:

- Пускай эта потаскушка убирается со своим пугалом. Я не воюю с женщинами, хотя за ее вероломство охотно бы снял с нее шкуру.

На этом дело закончилось. Мы подожгли засевшую на мели галеру и отплыли.

- А где сейчас Конан? - спросил другой слушатель. - Почему его нет здесь и он не рассказывает историю своего путешествия сам? Будет он нашим предводителем?

- Увы, нет, не будет. Киммериец приказал высадить его на восточном берегу. Он сказал, что у него великая миссия. И он задержался здесь, только чтобы свести оставшиеся счеты с Ездигердом. Один из рабов,

которых мы освободили, был кхитаец. Конан беседовал с ним часами. Они толковали о далеких землях, лежащих за горами Химелии.

- Если Кхитай - его цель, - предположил кто-то, - то он, наверное, ищет мифические сокровища. Зачем иначе отправляться на край земли?!

- Кого он взял с собой? - полюбопытствовал еще один.

- Это другая загадка, - отозвался Артус. - Он поклялся, что отправится один и что цель его недостижимая для других. Мы высадили его на восточном берегу. Его прощание с Рольфом-северянином было кратким и мужественным. Экипаж очень горевал, расставаясь с капитаном. Мы провожали его глазами, пока могучая фигура киммерийца не скрылась за дюнами, направляясь навстречу новым опасностям. Теперь Рольф - наш капитан; он лучше всех, исключая, конечно, самого Конана. Конан всегда останется лучшим из командиров, которые были и которые еще будут. Я пью за его здоровье и за то, чтобы успех сопутствовал ему во всем.

ГЛАВА 6. ИНТРИГИ ВОСТОКА

- Как чувствует себя ее королевское величество Дэви? - спросил Конан упитанного трактирщика, отпивая из кубка ароматное вино. В своей матрёсской одежде он рискнул зайти в вендинскую таверну, чтобы утолить жажду и узнать новости о привлекательной женщине, чью империю он однажды спас. Старые воспоминания закружились в его голове. Он ждал ответа, стараясь не высказывать особого интереса.

Таверна была почти пустой, но хозяин отвечал с большой осторожностью и очень тихо.

- Хотя Дэви управляет твердо и мудро, у нее нет мужа. Знать говорит, что страна нуждается в военном вождe. Шепотом называют ее кузена - Ченгир Хана. До настоящего времени она отказывала ему, но говорят, вскоре она должна принять решение. Династия должна быть продлена, и Жазмина обязательно выполнит свой долг перед королевством.

Толстый вендиец быстро посмотрел через открытую дверь. Послышались тяжелые шаги и бряцанье оружия. Отряд солдат вошел в таверну. Глаза их командира окинули внимательным взглядом каждого, задержались чуточку на Конане и затем остановились на хозяине. Подойдя к прилавку, офицер что-то сказал ему. Пара полных бутылок перешла с полки в шелковый мешочек офицера. Тот подал команду, и отряд с таким же шумом покинул таверну.

Конан бросил безразличный взгляд на удалявшихся солдат. Его мысли были заняты Жазминой, управлявшей королевством без поддержки мужа. Он пожал плечами. Внутренние дела Веди не касались его - хватало собственных проблем. Завтра он продолжит свой путь на восток, к горам

Химелии, - и перед дорогой надо хорошенько отдохнуть. Его могучий организм мог вынести многие лишения, убийственные для цивилизованного человека, но предстоящие трудности были особого рода и требовали сейчас полного расслабления - так хищник отдыхает, прежде чем отправиться на долгую охоту.

- Хозяин! - прорычал Конан. - Есть ли у тебя комната на ночь? Я немного устал. Эти путешествия в пустыне истощают силы.

Восточная ночь накрыла Вендию шелковым одеялом. Звезды бриллиантами блестели в черном небе, окружая убывающий серп луны. Горели факелы и свечи, во дворце раздавались смех и звуки музыки, доносился шум танцующих девушек. Из тускло освещенных храмов лились звуки музыки и мягкий хор голосов.

Конан пробудился внезапно, его мускулы мгновенно напряглись. Он услышал шорох у своих дверей. Варвар лежал обнаженный, вытянувшись во весь рост. Киммериец бесшумно поднялся, взял в руки меч, готовый, как волк, отразить любое нападение.

Задвижка медленно и осторожно опустилась, дверь начала бесшумно открываться. Конан мгновенно спрятался за ней. Неясная в лунном свете, невысокая фигура, крадучись, вошла в комнату. Она неуверенно застыла, не ожидая найти комнату пустой.

Конан напряг слух. До него не донеслось ни единого звука. Ясно, что загадочный посетитель пришел один. Но зачем? Любой вендиец, опознавший Конана, без промедления обратился бы к страже. Многие горожане еще не забыли мародерства предводителя горцев-афголов, хотя немало лет прошло с тех пор, как он водил своих людей грабить окрестных жителей.

Конан не собирался затягивать этот глупый спектакль. Прикрыв дверь, он бесшумно шагнул назад в комнату; словно подушка, его рука мягко закрыла рот незнакомца, который повалился на кровать, как ребенок, несмотря на отчаянное сопротивление. Два испуганных глаза смотрели на Конана, когда он прошептал:

- Что тебе надо в моей комнате? Говори! Нотише!

Варвар отнял руку ото рта своего пленника и разорвал вуаль, скрывавшую лицо. Он увидел перед собой красивую женскую головку. Голосом, похожим на звон серебряных колокольчиков, она пропела:

- Я пришла, чтобы отвести тебя к своей госпоже. Она узнала, что ты прибыл в город, и хочет тебя видеть. Одевайся, надо спешить!

В глазах Конана мелькнуло подозрение.

- К чему такая спешка, девочка? Зачем твоей госпоже нужен усталый

путник? Почему она не может подождать до утра?

- Днем многие люди посещают дворец моей госпожи, они знают Конана из Гхора. И она не хочет, чтобы тебя бросили под ноги слонов.

Конан мгновенно насторожился.

- Конан из Гхора? Кто узнал меня здесь? Кто твоя госпожа? Что она хочет?

- Я не могу рассказать все. Но она просила передать: "Если он будет колебаться, скажи ему о девушки по имени Жазмина".

Жазмина! Мысли Конана пронеслись через тринадцать лет к тем дням, когда он попал к злому колдуну из Черного Круга. Девушкой, которую он там встретил, была Жазмина.

- Так твоя госпожа - Дэви? - прошептал он. - Почему ты сразу не сказала?

-Дэви просила тебя прийти. Теперь торопись!

Конан быстро оделся и вооружился. Девушка тихонько отворила дверь и выглянула наружу. Затем она жестом поманила Конана. Они поспешили спуститься по ступенькам и оказались на улице. Они шли окольными, извилистыми путями. Значит, сведения, которые он получил в таверне, были правдивыми, думал варвар, глядя на узкие плечи своего гида. Они долго блуждали по улицам, чтобы сбить с толку возможную слежку. На одной из улиц огромная собака с открытой пастью прыгнула на них из подворотни. Великолепным ударом своего кинжала киммериец отправил ее в сточную канаву. В другой раз им пришлось подождать, пока какой-то бродяга перейдет улицу. Однако вскоре путешествие благополучно завершилось. Они остановились перед высокой зубчатой стеной, окружавшей королевский дворец. Высокие башни вздымались грозными громадами на фоне ночного неба: ноздри щекотал запах экзотических цветов и фруктов из дворцового сада. Девушка внимательно осмотрела стену. После того, как она надавила потайную кнопку, часть стены без звука отползла в сторону, открывая темный коридор. Сделав Конану знак идти как можно тише, девушка повела его вперед. Потайная дверь бесшумно закрылась за ними, и Конан последовал за девушкой, опустив руку на эфес меча. Он был уверен, что Жазмина не собирается причинить ему вреда, но варварская осторожность брала верх. Они поднялись по каменным ступенькам, пересекли множество залов, пока не остановились перед какой-то дверью. Секунду девушка прислушивалась, затем нажала рычаг, и дверь отворилась. Они вошли.

- Подожди немного, моя госпожа сейчас придет, - сказала служанка.

Она поспешило выбежала. Конан остался один и начал осматривать

покои. Комната была обставлена с роскошью, свойственной восточным правителям; все пространство заполняли желтые портьеры, золотые украшения и орнаменты, богатые вышивки, убранные экзотическими коврами пол и стены, блеск драгоценных камней. Вместе с тем все было подобрано с большим вкусом. Не вызывало сомнения, что это - женский будуар, о чём говорил и стоявший в углу столик с великолепным турецким зеркалом. На нем - в небольших коробочках из нефрита, драгоценных камней, золота, серебра - находились мази, приготовленные лучшими косметологами Востока. На то, что эта комната женщины, указывала, кроме того, большая кровать со светонепроницаемыми шелковыми занавесками и балдахином, вышитым золотом. Конан наклонил голову в знак одобрения. Хотя он оставался суровым воином, дни, проведенные на престоле, научили его понимать прекрасное. Мысли варвара прервал раздавшийся за спиной звук. Повернувшись, Конан наполовину выхватил свой меч, затем бросил его обратно в ножны. Это была Жазмина. Когда он впервые увидел ее, она была самой прекрасной из женщин, ей было тогда двадцать. Теперь, в тридцать три, перед ним стояла зрелая дама. Острый ум, позволявший ей удерживаться на троне, светился в глазах; облегающие одежды подчеркивали девичью фигуру и чудесное тело - столь изумительное, что было воспето в тысячах стихов, читаемых на площадях Султанапура. Прекрасное лицо Жазмины сияло от счастья, она остановилась в трех шагах от Конана.

Протянув к нему руки, женщина прошептала:

- О, мой повелитель! Ты вернулся!

Кровь Конана бешено забурлила, одним могучим прыжком он преодолел отделявшее их расстояние и заключил ее в свои объятия.

Она прижалась к нему своим гибким, горячим телом, шепча:

- Нам никто не помешает, мой повелитель! Я отослала охрану на ночь. Вход в эту комнату заперт. Люби меня! Мой повелитель, тридцать долгих лет я мечтала о твоих руках, когда-то обнимавших меня. Пусть это произойдет вновь, как после битвы в Шемской долине. Держи меня в своих объятиях и сделай так, чтобы эта ночь никогда не была забыта.

В это время пять человек совещались в другой части дворца, в богато обставленной комнате. Каждый из них держал в руке золотой кубок, наполненный вином; все слушали высокого смуглого мужчину.

- Теперь или никогда! - сказал он решительно. - Этой ночью, я имею точные сведения, Жазмина отослала солдат, которые обычно охраняют ее покой. Женский каприз, без сомнения, но какую он сослужит нам службу!

- Мой господин, Ченгир, - прервал его один из присутствующих. - Так

ли уж необходимо убивать Дэви? Я сражался с туранским эскадроном на границе, отбивая нападения проклятых горцев, но убивать женщину!..

Высокий улыбнулся.

- Это ведь не для меня, Шамур, - для королевского дома Веди. Кровь королевства нуждается в обновлении. Нам нужны новые завоевания, усиление нашего господства. Дэви слаба характером, стране надоело ее мирное правление. Мы - раса завоевателей - тратим время на строительство дамб и дорог, подобно грязным земледельцам. Теперь она должна умереть. После этого я стану наследником и поведу вас к новым завоеваниям. Мы построим новую империю на крови Кхитая, Уттары, Меру и Турана. Мы утопим горцев Химелии в их собственной крови. Восток будет трепетать под нашими ударами. День и ночь будут нести караваны верблюдов добычу в Айодию. Готовы ли вы следовать за мной?!

Четверо мечей сверкнули в воздухе, и громкий шепот одобрения разнесся в тишине. Принц потребовал внимания.

- Не так громко, господа. Помните, что мы еще не победили. Побольше осторожности. Если мы начнем восстание, войска и народ раздерут нас на куски. Но если Дэви умрет, пораженная тайными убийцами... Я, ее кузен и наследник, приложу все усилия, чтобы найти злоумышленников. Мы казним пару человек, отрезав им перед этим языки. После положенного траура я соберу свою армию и нанесу удары по Северу и Востоку. Мое имя займет достойное место в истории, наравне с великими полководцами.

Его голос звенел на высоких нотах, а глаза сверкали от возбуждения. С повелительным жестом он поднялся.

- Ваши руки, господа. Наденьте маски, мы проникнем в покой Жазмины через тайный ход. Настал час выполнить наш долг по отношению к королевству!

И пять замаскированных дворян вышли из комнаты, чтобы перерезать глотку беззащитной женщине.

Слабый свет звезд проникал в королевскую спальню, когда Конан проснулся вот уже второй раз в течение этой ночи. Его острый слух уловил мягкий, почти неслышный звук. Кто-то другой вполне мог принять этот звук за возню крыс и снова завалиться спать, но только не Конан. Мгновенно привстав, он решил проверить причину насторожившего его шороха. Животные инстинкты говорили, что это - опасность. Тихо вытащив меч из ножен, киммериец начал пристально оглядывать комнату. Жазмина спала; прекрасная улыбка застыла у нее на лице.

Пять закутанных в плащи фигур, едва различимые в лунном свете,

подсказывали Конану, что надвигается смерть. Обычно люди в масках приходят ночью в королевскую спальню отнюдь не за тем, чтобы пожелать доброго здоровья. Как кошка, Конан прыгнул в угол и сжался в комок с мечом в руке и бушующей яростью в груди. Убийцы подкрадывались, готовясь ударами кинжалов возвести нового правителя на трон Веди. Один из них уже собирался откинуть занавес королевской кровати. Конан, подобно тигру, прыгнул вперед; ближайший убийца опрокинулся с вывалившимися внутренностями, остальные застыли в шоке. Меч Конана был быстр, как нападающая кобра. С грохотом он рассек голову следующему врагу, для этого ему пришлось перепрыгнуть через кровать королевы. Конан расстроил атаку, толкнув ногой труп на других, и успел отразить удар противника, целившегося ему в ноги. Сильным ударом ребра ладони он не хуже меча поразил убийцу, и тот без звука осел на пол безжизненной массой, ни разу не вздохнув после удара. Конан бросился на оставшихся двух. Изо всех сил они отбивались, пытаясь выстоять перед бешеным натиском киммерийца. Красный огонь сверкал в глазах Конана, молниеносно наносившего и парировавшего удары.

- Думали убить спящую женщину! - рычал он. - Трусливые шакалы! Даже вероломные стигийцы не сделали бы этого! Но не ее кровь прольется в эту ночь, а ваша, псы!

Меч Конана блестал, подобно смертоносному лучу. После ужасного удара голова одного из противников скатилась на пол, тогда как другой, прижавшись к стене, отбивался от наседавшего киммерийца. Жазмина, проснувшись, села на край постели, наблюдая за схваткой. Внезапно она вскрикнула в ужасе. Конан, поскользнувшись в крови одного из трупов, упал. Вендиэц прыгнул вперед с занесенным мечом. Конан пытался встать. И тут его враг испустил страшный вопль и свалился на пол. Позади него стояла обнаженная Жазмина; из спины убитого торчала рукоятка кинжала, который королева пустила в ход, спасая своего возлюбленного. Конан поднялся. Он с головы до ног был покрыт кровью, но в глазах горел страшный, неугасимый огонь.

- Мое счастье, что ты не растерялась, девочка! Я думаю, этот убийца не попадет в рай, как, впрочем, и остальные; они, наверное, уже встретились. Клянусь Кромом - это была хорошая схватка!

Она с беспокойством посмотрела на него.

- Ты весь в крови, мой повелитель. Пойдем со мной в ванну, я перевяжу твои раны.

- О, ты преувеличиваешь, это просто царапины, - улыбнулся Конан, вытирая кровь тюрбаном одного из своих бывших противников. - Эти

убийцы легко могли добиться своего! Хвала богу, что ты была со мной! - прошептал он.

- Никогда бы не подумала, что мне грозит подобная участь. Люди считают мое правление справедливым, народ и дворянство оказывают мне поддержку. Может, это были агенты Ездигерда?

- Ездигерд больше не будет тебе надоедать, - произнес киммериец. - Он умер. Я покончил с ним на палубе его собственного корабля. Сними-ка маску с кого-нибудь из этой компании.

Дэви сорвала маску с человека, которого она ударила кинжалом.

- Ченгир! Мой кузен?! О, вероломный безумец!

Она покачала головой и подняла свои черные сверкающие глаза на Конана.

- Теперь я понимаю, что нуждаюсь в защите. Управляй со мной Вендией, Конан. Завтра объявим о нашем обручении - и в течение месяца будет длиться наш свадебный пир, подобного которому еще не знала Вендия! Я люблю тебя, мой повелитель!

Она с силой прижалась к нему всем телом, покрыв его губы поцелуями, заставив его голову кружиться. Но он мягко отстранил ее.

- Признаюсь, как мне нелегко, любимая! - вымолвил Конан. - Я видел несколько женщин, которые могут равняться с тобой красотой, но только не умом. Любой мужчина потеряет голову от счастья, если узнает, что он может стать твоим мужем. Десять лет назад, когда я был просто искателем удачи, я, возможно, и согласился бы. Сейчас не могу. Я - король Аквилонии, могущественного королевства. Но моя жена была похищена злым магом Кхитая, и я поклялся вернуть ее назад. Я не могу считаться мужчиной, пока не исполню свою клятву. Выди замуж за кого-либо из придворных, все охотно признают королем человека своей крови. Завтра я отправлюсь в Химелию.

С затуманенными глазами Жазмина внимала ему.

- Боги дают счастье только на мгновение - и тут же забирают его.

Ее глаза прояснились, и странная, робкая улыбка заиграла на губах.

- Ты поедешь завтра, но еще несколько часов останешься со мной. Используем их с большей пользой, чем простая болтовня.

Они вновь соединились в горячих объятиях, тогда как холодные звезды равнодушно смотрели в стеклянные глаза мертвецов.

ГЛАВА 7. ДЕМОН СНЕГОВ

По припорощенному снегом полю крался человек. Его тело было наклонено вперед, глаза внимательно рассматривали землю, ноздри расширились, как у охотничьей собаки, берущей след. Ни один человек,

побывавший здесь, не смог вернуться, чтобы рассказать об увиденном. Белый туман окутывал могучие обледенелые вершины Химелийских гор.

Зельвар Аф охотился один, когда случайно наткнулся на странные следы, глубоко впечатавшиеся в снег. Величина следа составляла не менее четырех ладоней, что говорило о размерах оставившего их существа.

Зельвар Аф никогда не видел ничего подобного, хотя в его памяти всплывали обрывки ужасных легенд, которые как-то рассказывал белобородый старик из горной деревушки. С безрассудной смелостью Зельвар Аф решил выследить зверя, не обращая внимания на старые басни. Он был один и охотился уже несколько дней, С кривым гирканским луком в руках охотник по-кошачьи двигался вдоль следа. Вокруг было тихо; не раздавалось ни звука. Белые склоны гор расстидались впереди, сверкая ослепительным великолепием. Дальше могучий ряд вершин выступал зубчатым силуэтом. Нигде не было видно даже признаков жизни. Скатившаяся ледяшка поколебала уверенность и наполнила сознание сомнениями. Возродились в памяти ужасные истории. Коричневая рука Зельвара скользнула за пояс и вытащила тяжелый гиборийский нож. Было чертовски холодно. Внезапно его глаза расширились от ужаса. Невысоко над снегом на него летела гигантская белая фигура. Черты лица этого ужасного человекоподобного существа, несшегося на него, различить было невозможно. Вскрикнув, Зельвар Аф взмахнул ножом. Затем ледяные руки мгновенно заключили его в свои объятия. Тишина вновь воцарилась на обширных белых просторах.

- Клянусь Кромом! Как хорошо снова оказаться среди горцев!

Слова были произнесены за грубым деревянным столом, на котором валялись полуобглоданные кости. Множество людей собралось в большой хижине главы племени: вожди соседних деревушек, а также самые опытные воины. Их одежду составляли крепкие рубахи из овчины и теплые сапоги; широкие накидки они оставили снаружи, так что можно было видеть железные и золотые пояса вокруг талии с подвешенными к ним кинжалами.

Конан, сидевший на почетном месте, был в центре всеобщего внимания. Слушатели, затаив дыхание, следили за его рассказами.

- Да, я думаю, туранские набеги вас будут теперь редко беспокоить! - глаза Конана сияли голубым пламенем. - Я убил Езигерда на палубе его флагмана. Его обширная империя разобщена противодействующими группировками.

Седобородый вождь вздохнул.

- Мы редко видели туранцев с тех пор, как ты со своими афгулами и

Дэви Жазмина с кшатриями нанесли поражение их полчищам. С того времени мы живем в мире и спокойствии. Я почти забыл времена, когда мы сбрасывали каменные плиты на остроконечные шлемы туранцев.

Конан улыбнулся, вспоминая; его мысли вернулись в Вендию. Перед ним стояла картина: тонкая черноволосая женщина с заплаканным лицом машет ему платком, он скачет к туманным горам.

Осанистый, бородатый вождь промочил горло.

- Мы понимаем, что ты здесь не ради прогулки, Конан, - сказал он. - Но прими наш совет и обойди горы Талакмы. Там творятся страшные дела; снежные демоны из давно забытых легенд вернулись вновь.

- Что же это за демоны, наводящие ужас на смелые сердца гулистанцев?

Вождь наклонился ближе к варвару и с дрожью в голосе сказал:

- Дьяволы из черных бездн опять хозяйничают в Талакме. Мы находили тела людей, выжатых, как белье. Но самое ужасное в том, что сердце каждого трупа превратилось в лед. А пальцы такие хрупкие, что ломаются, будто лед или сосульки.

- Я приму это к сведению, - голос Конана стал мрачен. - Но я не могу объезжать Талакму; это будет стоить мне двух месяцев пути, а я должен идти самым коротким путем. У меня нет времени.

Горцы пытались разубедить его, но напрасно. Громовой голос киммерийца перекрыл всех, после чего наступила тишина... Он тяжело поднялся и, зайдя за перегородку, повалился на охапку сена в глубоком сне.

Только вой ветра сопровождал Конана в пути через безбрежные снега. Сильные порывы швыряли пригоршни снега в обветренное лицо, а ледяной холод проникал даже через теплый плащ. За плечами висела котомка с хлебом и мясом - провизия на все времена перехода. Из ноздрей от дыхания вырывались облачка пара.

Четыре дня варвар находился в пути, двигаясь с легкостью и скоростью настоящего горца. На ночь он сооружал себе нехитрые убежища, вырезая их в снегу, а как только светало, продолжал свой путь. По дороге часто попадались пропасти и расщелины. Некоторые он попросту перепрыгивал, а другие обходил; если расщелина была особенно глубокой, то приходилось спускаться на веревке, а потом карабкаться наверх. Вокруг лежали девственные снега, ничьих следов почти не было. Однажды голодный снежный барс напал на него, но Конан отбил атаку ударом ножа. Зверь в конвульсиях упал на снег, оставшись навек лежать в вечных снегах. Когда ветер немного стих, Конан остановился и сбил ледяные сосульки с лица, успевшего обрасти щетиной. Позади него расстилалась бесконечная

снежная долина, однообразие которой нарушалось только ледяными пропастями и горными пиками - их крутые вершины скрывались в облаках. Далее перед ним рисовались очертания склона, по которому предстояло спуститься. Тяжелое путешествие подходило к концу.

Внезапно его острые глаза различили нечто непонятное. С любопытством Конан двинулся вперед. Вскоре, остановившись, он нагнулся над странными следами, привлекшими его внимание. Подобных следов он никогда не видел, хотя, присмотревшись, пришел к выводу, что они немного похожи на медвежьи. Но нет, у медведя пальцы не могут так далеко отстоять друг от друга. Следы появились недавно, ведь снегопад только что закончился. Они заворачивали за огромную глыбу льда, видневшуюся неподалеку.

Конан пошел было по следу, как вдруг перед глазами киммерийца промелькнули бесформенные губы и ужасная бесцветная голова. Он едва успел отпрянуть на семь или восемь дюймов в сторону и в следующий момент был поднят над землей с такой силой, что воздух со свистом вырвался из легких. Вся человеческая мощь Конана не помогла ему избежать страшных объятий, но благодаря моментальной реакции змееподобные руки не успели обвиться вокруг тела, и гигант, изогнувшись, наполовину освободился от чудовищной хватки.

Конан бешено сопротивлялся, наконец он высвободил правую руку и стал наносить удары зажатым в кулаке ножом, но его громадная сила казалась детской по сравнению с демонической силой чудовища. Ужасное лицо приближалось к нему, пялясь безжизненными глазами. Невыносимый холод начал окутывать тело - Конан почувствовал, как ледяная смерть обволакивала его мозг. В зрачках бесформенных глаз, как в зеркале, отражались загубленные человеческие души, скитающиеся в вечном мраке. Теперь вот и душа киммерийца прощалась со своей оболочкой, ледяные капли пота покрыли лоб варвара. Животные инстинкты, страх смерти побудили Конана собраться в один могучий комок. Неимоверными усилиями он заставил себя сделать то, что ни один нормальный человек сделать не мог. Левой рукой он сорвал с правой меховую перчатку и ударили кулаком в лицо монстра. От столь чувствительного удара чудовище содрогнулось и издало пронзительный крик, немного ослабив хватку.

Кольцо!!! Кольцо Ракхамона, подарок Пелиаса - как раз для борьбы с неизвестными силами и волшебством. В пылу схватки Конан совсем забыл об этом амулете.

Смертельное оружие против порождения мрака, ищущего человеческие души.

Конан ударили снова: пронзительный крик разорвал воздух - и чудовище попыталось бежать. Конан с кровожадной жестокостью начал преследовать монстра. Теперь атаковал он, нанося удары острыми ромбическими углами кольца, и рвал зыбкую плоть демона. Пронзительный визг висел в воздухе. Из рта демона сочилась белая жидкость. Конан преследовал его, точно мстящий дух. Демон остановился на краю пропасти, шатаясь и дрожа, - и тогда Конан нанес последний удар. Они балансировали над самым краем пропасти; кромка льда треснула - и с протяжным воплем демон рухнул вниз, в зияющий мрак пропасти. Обессиленный Конан, словно волк после охоты, тяжело остановился.

- Пелиас дал мне хорошую безделушку, - пробор мотал варвар. - Черт с ним, с этим снежным демоном и со всеми остальными тоже. Один из них отправился в ад, но как бы он не прислал кого-нибудь вместо себя... А теперь мне надо торопиться, к завтрашнему дню я должен спуститься на равнину.

ГЛАВА 8. ДРАКОН КХИТАЯ

Пошел двадцать пятый день, как Конан пересек границу Кхитая. В обширных и бесплодных районах Вайхумской пустыни почти не было людей, разве только группы закаленных кочевников в поисках добычи иногда забредали сюда. Солончаки временами сменялись болотистыми участками, водяная птица иногда поднималась над стоялой водой. Красноглазые, вечно раздраженные буйволы плескались и пыхтели в тростниковых зарослях. Тучи насекомых жужжали в воздухе, слышалось далекое рычание вышедшего на охоту тигра.

Конану пришлось употребить все свои навыки, приобретенные в джунглях Куша и в зарослях, окаймлявших берега моря Вилайет, чтобы на небольшом плоту из бамбука пересечь эти непроходимые места. Когда болота кончились, начались джунгли, но легче не стало. Тяжелый гиборийский нож Конана постоянно был в работе - приходилось рубить густые заросли. Несмотря на все тяготы пути, железная решимость киммерийца найти свою жену не пропадала. Эти места были плотно заселены еще в те времена, когда западная цивилизация находилась в зачатке. Не раз Конан находил руины храмов, дворцов и даже целых городов, погибших или заброшенных тысячетия назад. Окна зданий зияли пустотой и напоминали пустые глазницы черепов. Лианы вились вокруг стен и статуй прачеловеческих богов. Обезьяны громкими криками выражали свое неудовольствие вторжением человека.

Джунгли растворились в холмистой равнине, на которой желтокожие пастухи пасли свои стада. Через эти земли, холмы и долины протянулась

Великая кхитайская стена. Конана не было видно в укрытии, где он сидел, задумчиво разглядывая окрестности. Со своим аквилонским войском, вооруженным таранами, он бы в мгновение ока пробил брешь в стене и очутился на противоположной стороне, прежде чем пришла бы помощь с другого участка. Но у него не было тысячи солдат и осадных машин. Приходилось пробираться на ту сторону одному, без чьей-либо поддержки.

Темной ночью, когда луна зашла за тучи, с помощью веревки он перебрался через стену, предварительно оглушив часового. Варвар неутомимо пересекал обширные пространства, делая лишь короткие остановки. Вскоре опять начались джунгли. Конан прокладывал себе путь очень осторожно, боясь укуса змеи. Лианы гирляндами свисали с деревьев, щебетали птицы, одетые в пестрые оперенья. Издалека доносилось рычание леопарда. Варвар крался по тропе, словно животное, рожденное и всю жизнь прожившее в этих джунглях. По сведениям, полученными от освобожденного в битве у архипелага Зулази раба-кхитайца, Конан установил, что добрался до джунглей, окружающих город-государство Пакчанг. Кхитаец говорил, что пояс джунглей надо пересекать в течение восьми дней, а миновали только четыре. Впрочем, с его силой и энергией Конан мог одолеть любое дело, даже такое, которое было не по силам обыкновенному человеку.

Теперь нужно было попасть в какое-нибудь селение. Кхитаец рассказывал, что в лесах вокруг Пакчанга живут люди, бежавшие от власти жестокого правителя. Поэтому Конан надеялся найти друзей, которые разъяснят ему местную обстановку.

Жуткая атмосфера бамбуковых зарослей давила на него почти с физической силой. В течение тысячелетий не тронутые и не изведанные человеком, джунгли лишь изредка прерывались полянами. Здесь, на Востоке, впервые зародился разум. Обширные знания были накоплены философами, механиками и колдунами. Конан встремился, пытаясь разорвать гнетущую атмосферу леса, и еще крепче сжал рукоятку ножа. Его ноги ступали бесшумно; эту способность он приобрел в своих многочисленных странствованиях по чужим странам.

Тихий шорох донесся из-под вороха сухих листьев, громадная змея в серых пятнах подняла голову из своего потайного убежища, злобно шипя и обнажая смертоносные зубы. Мгновенно в руке Конана блеснула сталь - и обезглавленное тело гада в агонии свилось клубком. Конан вытер нож и засунул его за пояс. Внезапно он остановился, потому что уловил непонятный звук. Сначала до него донесся звон металла, а затем послышалась человеческая речь. Варвар быстро, но бесшумно пошел на

эти звуки. Через сотню шагов тропа сделала неожиданный поворот. Выглянув из-за деревьев, Конан увидел то, что нарушало тишину леса.

На небольшой поляне двое рослых кхитайцев привязывали к дереву невысокую девушку. Не в пример многим своим соотечественникам, мужчины отличались высоким ростом и большой силой. Полированные пластинчатые шлемы и панцири придавали им экзотический и весьма устрашающий вид. У поясов были подвешены кривые мечи в лакированных деревянных ножнах. Лица носили отпечаток грубости и тупой силы. Девушка извивалась в цепких руках, издавая громкие мольбы на певучем кхитайском языке. В бытность свою наемником турецкого короля, Конан немного изучил этот язык и в общем понимал все, о чем сейчас говорили эти люди. Скуластое лицо пленницы отличалось яркой восточной красотой... Ее просьбы не производили на воинов никакого эффекта, и они продолжали свою страшную работу. Конан почувствовал, как ярость разгорается в его груди. Это, насколько он понял, было одно из тех жестоких человеческих жертвоприношений, которые давно прекратились на Западе, но сохранялись еще на Востоке. Кровь Конана закипела при виде такого насилия. Он вымочил из укрытия, и, точно бык, устремился на противников, потрясая огромным мечом. Кхитайские солдаты тотчас услышали треск кустарника под ногами киммерийца. Они обернулись на звук, и их глаза широко раскрылись от удивления. Оба выхватили свои мечи и с высокомерной уверенностью приготовились к защите. Они не произнесли ни слова, но девушка закричала:

- Беги! Не пытайся меня спасти! Это лучшие мечники Кхитая! Они принадлежат к личной охране Ях Чанга!

Имя личного врага вызвало у Конана прилив бешенства. С глазами, сузившимися от ярости, он напал на кхитайцев, словно атакующий лев.

Возможно, они и были непревзойденными фехтовальщиками, но перед неистовством Конана они клонились, как соломинки на ветру.

Меч варвара засвистел в молниеносном танце смерти перед их изумленными глазами. Он пробил панцирь одного из противников - и тот упал мертвым; второй, шипя змеей, взорвался в свирепой ответной атаке. Их мечи скрешивались и расходились вновь. Но вскоре менее закаленная сабля кхитайца разлетелась под ударом Конана; острие меча пробило броню, вонзилось в сердце кхитайца - и тот упал, не произнеся ни слова. В безмолвном ужасе широко раскрытыми глазами девушка следила за сражением. Когда Конан выскочил из своего укрытия, она подумала, что это один из друзей или родственников решил сделать отчаянную попытку спасти ее. Теперь она увидела, что ошиблась, - это был белокожий

инострaneц из легендарных земель Запада, лежащих за Великой стеной, за Великой пустыней. Сожрет ли он ее, как утверждают легенды, или увезет в свою землю и остаток дней заставит работать в грязной темнице? Ужас ее немного ослаб при виде дружеской улыбки Конана, который быстро перерезал тугие веревки. Варвар оценивающим взглядом мужчины окинул фигуру и уставился прямо в глаза девушки. Это был взгляд свободного мужчины, глядевшего на свободную женщину. Перед таким откровенным взглядом ее щеки покрылись румянцем.

- Клянусь Кромом! - сказал он. - Я не знал, что в этих краях живут такие женщины! Я словно и вправду вернулся сюда после долгих лет отсутствия.

Хотя его выговор и был далек от совершенства, она, без сомнения, поняла его.

- Редко белокожие странники посещают наши края, - произнесла девушка в ответ. - Ты победил время и богов, проделав длительное путешествие, убив этих двоих, - она кивнула в сторону трупов, - ты оказал помочь жертве Ях Чанга. Меня принесли в жертву чудовищу, приходящему из джунглей.

- Разделавшись с подлецами, я лишь выполнил свой долг, - заметил Конан. Если можно, то я поселюсь в вашей деревне на некоторое время. Но что это за монстр, который приходит из джунглей?!

- Никто не пережил еще встречу с ним. Люди говорят, колдун вызвал чудовище из давно прошедших веков; оно выдыхает пламя, и земля сотрясается от его поступи. Зверь держит население в крайнем ужасе и часто требует жертвоприношений. Солдаты постоянно отлавливают красивых девушек и сильных мужчин для него.

- Мне кажется, такое соседство мало полезно для здоровья, - рассмеялся Конан. - Я не так боюсь этого монстра, как не хочу задерживаться по пути в Пакчанг. Как далеко до твоей деревни?

- Несколько миль, - ответила девушка.

Вдруг тяжелый грохот сотряс землю. Стволы бамбука закачались, и хриплый рык донесся до их ушей. Конан схватился за рукоять меча, свирепая улыбка появилась на его устах. Девушка спряталась за его спину. Киммериец напрягся, точно тигр, готовый к прыжке, и замер в ожидании. На краю поляны с квакающим ревом показалась гигантская туша. Тусклое солнце осветило ужасное чудовище. Колосс был около сорока футов длиной. Его короткие ноги венчали острые когти. Гигантские челюсти были усыпаны острыми зубами, не уступавшими по величине клыкам саблезубого тигра. Могучие выпуклости на загривке по обе стороны

головы говорили о неимоверной силе этой машины смерти. Ящер был отвратительного свинцового цвета. Его дыхание напоминало запах разложившегося трупа. На мгновение сквозь листву деревьев блеснул яркий луч солнца - и Конан начал действовать.

- Взберись на дерево! Он не сможет достать тебя! - прорычал он заледеневшей от страха девушке.

Кхитаянка послушалась - и внимание Конана снова переключилось на гигантского ящера. Перед ним был самый грозный противник, с которым ему когда-либо приходилось сталкиваться. Западные рыцари, туранские воины, кровожадные хищники - все казались карликами в сравнении с этим монстром, вставшим на его пути. Но лучший охотник киммерийских холмов, джунглей Куша и туранских степей тоже не был легкой добычей, которую можно сожрать в один присест. Конан стоял на месте, зная, что, если он спрячется за дерево, дракон успеет схватить девушку. В следующее мгновение, перед тем, как могучие челюсти сомкнулись на нем, киммериец отпрыгнул в сторону и устремился в заросли бамбука, увлекая чудовище за собой. Очень быстро, быстрее, чем можно было ожидать, монстр развернулся и бросился в новую атаку. Конан понял, что не успеет забраться на дерево. Блестящие стволы бамбука не удержат его, но спасение заключалось именно в них. Зажав в руке тяжелый нож, Конан ударил по основанию тонкого бамбукового стебля. Другим ударом отхватил макушку с листьями, заострив край. С такой импровизированной пикой Конан ожидал приближения противника. Могучим усилием Конан вогнал пику между челюстями ящера и с силой протолкнул ее вперед, глубоко в глотку этой машины разрушения. Челюсти резко захлопнулись, отбросив Конана на двенадцать футов в заросли бамбука.

Страшная рептилия корчилась в агонии, издавая крики боли. Дрожа от напряжения, Конан вскочил на ноги. Его руки ужасно болели, он чувствовал каждую мышцу своего избитого тела. Полуслепший от пыли, он едва не споткнулся, но вовремя отскочил от агонизирующего ящера. С жестокой улыбкой варвар вонзил нож в глаз чудовища. Лезвие прошло, как сквозь масло. Рукоятка вырвалась из его руки при последнем содрогании умирающего зверя. Киммериец от толчка снова свалился на землю, но его ужасный враг уже затих.

Стряхнув пыль, Конан, прихрамывая, направился к дереву, где укрылась девушка.

- Я, должно быть, становлюсь стар, - прошептал он, переводя дыхание. В прежние дни такая скоротечная схватка не потребовала бы стольких сил.

Он не скромничал. Вряд ли кто другой сумел бы совершить подобный

подвиг, но сейчас он мог погибнуть, если бы судьба не улынулась ему. Остановившись, Конан махнул девушке рукой.

- Спускайся, мальшка! Дракон сожрал бамбука больше, чем полезно для желудка - и не может встать, Теперь проводи меня в свою Деревню. Надеюсь, ты мне поможешь?!

ГЛАВА 9. ТАНЕЦ ЛЬВОВ

Дымок лотоса спиралью вился к потолку - вдоль стены тускло освещенной бамбуковой хижиной. Подобно извивающимся щупальцам, он ароматными лентами поднимался из нефритовой трубы, зажатой в морщинистых губах старого кхитайца, который, скрестив ноги, сидел на циновке из тростника. Лицо старика было похоже на пожелтевший от времени пергамент. На вид ему было не менее ста лет, но все его движения выдавали большую скрытую энергию. Придерживая трубку левой рукой, он медленно, с наслаждением вдыхал наркотический дым. Тем временем его внимательные черные глаза изучали большого белокожего мужчину, что сидел напротив него на низкой скамеечке и быстро поглощал рис и рыбу, разложенные девушкой - той самой, которой столь чудесно удалось избежать смерти.

Она была одета в строгий, под самое горло жакет и узорчатые блестящие штаны розового цвета, приятно подчеркивавшие красивую фигурку. Волосы были аккуратно уложены в высокую восточную прическу. В этой ухоженной, прекрасно одетой девушке никто бы не узнал то испуганное полуобнаженное существо, которое чужеземец спас от людей и чудовища. Конан вспоминал ее горячие руки, ласкавшие его в минуты отдыха в джунглях, когда она в порыве вспыхнувшей страсти отдавалась ему. Целые сутки они добирались до деревни, отдыхая, когда девушка уставала. И когда она совсем изнемогла, варвар подсадил ее на плечи. Вскоре тропинка привела их к деревне. На поляне расположились крытые тростником хижины, а рядом, в речке, группа людей ловила рыбу. Они встретили появившихся радостными криками, увидев спасенную дочь вождя. В большинстве своем это были знатные люди, бежавшие из столицы от тирании Ях Чанга. Теперь они жили в этих заброшенных краях, опасаясь, что в любой момент могут нагрянуть солдаты проклятого колдуна.

Насытившись и взяв в руку бокал желтого рисового вина, Конан внимательно слушал вождя.

- Во все времена существовал род Канг, он всегда был могуч, я - глава клана, Канг Сюн, - говорил стариk. - Прекраснее любого города был замок-дворец Пакчанг. Тысячи блестящих воинов защищали город от нападений

Ши Чена и Рио Гека. Земля наша чудесная, а урожай всегда обилен. Я жил во дворце Пакчанга, окруженный роскошью и культурой древней цивилизации. Потом пришел этот проклятый. В одну из темных ночей его орда появилась с юго-востока, как разрушительное пламя. Наши армии были уничтожены его черным искусством. Одних поглотило землетрясение, другие сгорели в магическом огне, третьих поразила чума. Мечи в наших руках повисли бессильно - и его гнусные псы ворвались в наш прекрасный город. Пакчанг был сожжен и разгромлен. Я со своей семьей и несколькими слугами спасся бегством на верблюдах. Испытав много опасностей, мы добрались до этого убежища. Я сомневаюсь, что Ях Чанг знает его точное местонахождение, иначе он давно бы уничтожил нас. Канг Лун-дзе, моя дочь, была захвачена его мечниками около деревни, расположенной в нескольких милях отсюда. Даже охотники не забредают в это укромное место. Я думаю, наше положение безнадежно. Мы бессильны перед могущественными чарами и тысячами хорошо вооруженных солдат. До сих пор люди, которых своими налогами и вымогательствами Ях Чанг держит в бедности и страхе, помнят прежние дни спокойствия, свободы и богатства. Они поднялись бы, будь хоть один шанс, но железная пятка Ях Чанга придавливает их. Его мечники ведут себя на улицах городов, как завоеватели с кнутами в руках. Проходят годы, и наша надежда тает. Мы бы давно погибли, если бы не пророчество, поддерживающее нас в течение всех этих лет террора.

Конан слушал молча, не перебивая, но теперь любопытство побудило его задать вопрос:

- Я знаю многие предсказания... Так что ж это за пророчество?
- Моя жена, мать Канг Лун-дзе, была одарена многими странными свойствами; она знала язык птиц, и я часто наблюдал, как звери из джунглей терлись носами о ее ладони. Когда случилось несчастье, один из солдат Ях Чанга ворвался в покой и ударил ее мечом. В то время она, стоя на коленях, молила наших богов. Я был бессилен ее спасти, но успел поразить убийцу, стоявшего над ее телом. Она попросила меня нагнуться и едва слышно прошептала:

- Оми, дни мои окончены. Постарайся спасти нашу семью. Спрячься и жди. Не отчаивайся! С Запада придет рыцарь с большим и благородным сердцем. В своей ярости он раздавит злодея, как поганую змею. Он белокож и обладает гигантской силой, король в своих владениях... он поразит узурпатора, как удар молнии. Боги с ним. Пакчанг снова станет свободным!

В это мгновение ее рот наполнился хлынувшей через горло кровью и

она умерла. У меня не было времени предаваться горю. Собрав детей и слуг, я покинул дворец через тайный ход. Все эти годы мы ждали белокожего рыцаря. До нас доносились слухи о его подвигах, и мы надеялись увидеть его знамя над Пакчангом. Но из великой пустыни приходили только мародеры-кочевники, и наша надежда таяла год от года. Исключая группу наемников, захваченную Ях Чангом год назад, ты - первый человек с белой кожей, явившийся с запада в течение всего этого времени, но пророчество говорит, что наш спаситель будет королем и завоевателем. Ты - один, без армии и носишь одежду кочевников. Я стар и скоро закончу свой жизненный путь, и теперь меня начинает охватывать отчаяние за судьбу моих людей.

Широкая улыбка появилась на лице Конана. Он прогудел на всю комнату:

- Кто сказал, что я не король, стариk? Я не просто король, а король самого могущественного государства на Западе - Аквилонии. Я задушу тирана на его троне вот этими руками. Я силен - я убил недавно двух мечников Ях Чанга и чудовище ада. Чем я не соответствую пророчеству?

Стариk некоторое время недоверчиво смотрел на него.

- Это верно, Конан? Ты - король? Ну, что же... Моя возлюбленная жена сказала, что освобождение наступит через двадцать лет после нашего изгнания. Хвала богам! Мы устроим пир и жертвоприношение этой ночью. Завтра мы встанем под твою команду. Ты поведешь нас!

Конан рассмеялся:

- Не так быстро, мой друг! Надо осмотреться. Я не собираюсь бросаться в пасть этого мерзавца наобум. Боги помогают тем, у кого есть разум и терпение. Мы должны разработать наш план с большой осторожностью.

Его голос потонул в радостных криках толпы, собравшейся вокруг хижины Канг Лун-дзе. Конан с внезапной серьезностью принял скромное поклонение этого народа, единственной надеждой которого он явился.

Изгнанники держали совет. Атмосфера в бамбуковой хижине стояла напряженная. Конан сидел, развалившись на циновке с кубком вина в руке; его умные голубые глаза изучали новых союзников. Воздух был наполнен ароматом лотоса.

- Войти в замок довольно тяжело, - сказал высокий скуластый мужчина, чье лицо было обезображенено шрамом, шедшим от брови. - Проклятые мечники день и ночь охраняют входы и выходы. И потом - сверхъестественная сила самого колдуна... Наши люди не вооружены, и прямая атака на прекрасно укрепленную цитадель окончится разгромом.

- Ты прав, Ленг Чи, - сказал старый Канг Сюн. - К успеху могут привести лишь хитрость и обман. Я знаю только один способ, который и нужно использовать. На этой неделе Ях Чанг отмечает ежегодный праздник в честь захвата Пакчанга. Кульминацией праздника является танец львов. Этим ритуалом Ях Чанг отдает дань древним традициям. Большие ворота будут открыты, и публика займет места внутри двора. Но как использовать этот момент, я не могу сказать. Король Конан - белокожий, и, кроме того, он выше всех людей, так что будет весьма трудно замаскировать его. Может быть, спрятать его в ящике?

Грубый голос Конана прервал его речь:

- Ни за что, мой друг! Лежать без движения в гробу, б-р-р! Но этот танец львов навел меня на одну мысль. Танцующие, вероятно, одеты в маски львов. Я могу затесаться в их толпу и проскользнуть, в конце концов, в замок. Дальше я знаю, что делать. Единственное затруднение - костюм и маска.

- Судьба предопределила наш путь, - воскликнул стариk. - Из соседней деревни люди пойдут на праздник, мы одолжим у них ритуальную маску. То, что ты сейчас предложил, весьма заманчиво. У тебя действительно есть шанс проскользнуть в замок в конце праздника, потому что среди перепившихся людей часто возникает неразбериха. В это время мы сумеем, вероятно, поднять бунт. И тогда меченосцы узурпатора будут весьма удивлены, встретив людей с оружием в руках. Я думаю, что мы сможем устроить Ях Чангу необыкновенно веселый пир!

- Но это еще не все, - сказал Ленг Чи. - Сколько мы имеем воинов? У Ях Чанга две сотни солдат личной охраны, рядом его регулярные войска. Они моментально придут в действие, услышав шум битвы.

- И еще мы плохо вооружены, - сказал другой кхитаец. - А войска узурпатора покрыты броней, точно раки из озера Хо.

Спор затянулся. Заговорщики никак не могли принять решение. Внезапно Конан спросил:

- Вчера, князь Канг, вы говорили о группе западных наемников, захваченных Ях Чангом. Что с ними?

Стариk ответил:

- В месяце Хог их группа в количестве пятидесяти человек пришла с Запада. Они говорили, кажется, что служат королю Турана, но, возмущенные тяжелой службой, дезертировали и пошли искать счастья на Восток, в Кхитай.

Ленг Чи продолжил рассказ:

- Они прошли в нескольких километрах к северу, через деревню

Шелум. Их встретили с почетом, потому что они уничтожили банду грабителей, а сами вели себя мирно, не совершая грабежей и насилий. Поэтому жители деревни предостерегали их о Ях Чанге, но они не послушались и отправились в Пакчанг. Мы слышали, что они хотели поступить на службу к Ях Чангу. Он с притворной благосклонностью принял их, дал в их честь пир, во время которого отрубил голову командиру, а остальных заключил в подземелье.

- Почему он сделал это? - спросил Конан.

- Кажется, он хочет принести их в жертву во время великого подношения дьявольским силам.

- Что с ними сейчас?

- Они до сих пор ждут своей участи в подземной темнице.

- Откуда вы знаете все это?

- Любовница одного из телохранителей Ях Чанга убежала в Шелум, и от нее эта история стала известна нам.

- Князь Канг, - сказал Конан. - Расскажите-ка мне о вашем дворце, чтобы я не запутался.

Канг Сюн стал чертить линии на земляном полу хижины.

- Я не знаю, возможно, узурпатор перестроил внутренние помещения, но так было в мои дни. Здесь располагались главные ворота, дальше приемный зал...

Через несколько часов были выработаны последние детали плана. Канг Сюн поднял золотой бокал, наполненный янтарной жидкостью, и звенящим голосом провозгласил тост:

- За будущую славу великого Пакчанга, и пусть нога мстителя раздавит голову кровожадной гадине!

В ответ раздались восторженные крики. Конан поднял бокал вместе со всеми. Варвар испытывал легкое головокружение от сознания, что он почти достиг своей цели.

Пыль поднималась душными облаками по дороге, ведущей в Пакчанг. Сотни кхитайцев в голубых и коричневых одеждах спешили в город. Солнце сверкало на массивных беломраморных стенах Пакчанга. В воде, заполнявшей ров, отражались белые стены, коричневые холмы и голубое небо, и только стаи плавающих уток взмахами крыльев нарушали эту картину. Из-за стен виднелись многочисленные пагоды Пакчанга с их многоярусными крышами, покрытыми различных цветов глазированной черепицей, и углами, украшенными золотым орнаментом. Золотые львы и драконы увенчивали зубчатые углы больших ворот. Запыленные толпы крестьян стекались к главным воротам: большинство шли пешком,

некоторые ехали на ослах. Солдаты Ях Чанга, опираясь на алебарды, следили за порядком. Там и здесь мелькали люди в церемониальных костюмах. Танцующий лев из Шелума выглядел особенно блестяще. Золотая маска сияла на солнце, которое отражалось в выпуклых глазах и свисающим языке царя зверей. Человек, скрывавшийся под маской, был необычайного роста и возвышался над головами самых высоких кхитайцев. Внутри города по извилистым улицам люди направлялись во дворец. Конан следил за происходящим через отверстия в львиной маске, морщась от едкого запаха кхитайского города и от звуков, резавших его слух. Грохот гонга, звон и топот наполняли воздух.

Следуя за толпой, варвар приблизился к другой стене - с большими воротами, распахнутыми настежь. Колонна разделялась, текла вдоль нефритовых решеток с резными драконами и соединялась с другой стороны. Они уже находились во дворце Ях Чанга, ранее принадлежавшего Кангу.

Громко крича и толкаясь, массы людей скапливались у столов, на которых слуги Ях Чанга расставили рис с приправами и рисовое вино. Многие были уже навеселе и громко орали песни. Вино лилось рекой, люди собирались около музыкантов, наигрывающих на лютнях жалобные мелодии.

Конан услышал голос Ленг Чи, шепнувшего ему на ухо:

- Танцы начнутся скоро. Не особенно старайся выиграть приз, так как судья требует, чтобы победитель снял маску...

Длинный каменный коридор был темен. Смертельная тишина царила в мрачных глубинах. Конан шел крадучись, подобно кошке из джунглей, избегая малейшего звука и держа в руке обнаженный меч. Он был одет в кхитайскую блузу и шелковые штаны, купленные у купца в пограничной деревне. Во время царившей во дворце суматохи никто не заметил исчезновения одного из львов. Теперь киммериец двигался в сердце вражеской твердыни. Все его чувства были крайне обострены. Не в первый раз Конан находился в темнице колдуна. Ужасные воспоминания теснились в его памяти. Но он с железным хладнокровием подавлял свой страх и продол-жал путь. Коридор разветвлялся. Одно из ответвлений вело вниз, причем было почти неосвещенным, - и Конан выбрал его. План замка до мелочей отпечатался в его мозгу.

Я Ла-ги, один из телохранителей Ях Чанга, сидел, развалившись, на скамье в подземной тюрьме. Настроение у него было не особенно веселое. Почему из всех людей именно его выбрали охранять этих западных неженок, в то время как наверху были красивые женщины и текло рекой

вино?

Глупая затея колдуна - годами держать людей для жертвоприношений, когда за неделю можно набрать сколько угодно кхитайцев! Ворчание облегчило его душу, потом на ум стражнику пришла идея, что неплохо бы выпить вина. Он протянул руку к нише в стене, чтобы взять бутыль из своих тайных запасов, - и это было его последнее осознанное движение.

Десять стальных пальцев сдавили его горло, и он безжизненной массой свалился на пол. Конан смотрел на дело своих рук, жестоко улыбаясь. Как было приятно снова убивать врагов! Старые варварские инстинкты зажгли его кровь, и с губ слетело удовлетворенное рычание. Он убил так быстро и тихо, что никто из спавших пленников не проснулся. Конан подошел к трупу тюремщика, сорвал связку ключей с пояса и тут же начал подбирать ключ к ближайшей камере. Легкий звон металла разбудил пленника, заставив измученное тело напрячься. С губ заключенного сорвалось проклятие своему мучителю. Его удивлению не было предела, когда он увидел, что дверь камеры отворяется. В мгновение ока пленник был на ногах, но остановился, когда при свете факела заметил меч в руке незнакомца. Жестом руки гигант призвал его молчать и кивком подозвал к себе. Глаза пленника широко раскрылись от удивления. Конан нахмурился, стараясь вспомнить знакомое лицо.

- Луко из Тошили?! Ты?!

- Да.

Их руки встретились в крепком пожатии. Затем пленник промолвил:

- Клянусь грудями Иштар, я меньше всего ожидал увидеть тебя, Конан! Ты вступил в соглашение со злым колдуном - или, быть может, прилетел на орле?

- Нет, Луко, - усмехнулся гигант. - Я здесь, чтобы наказать желтую шавку, но я пришел один и без армии. Надеюсь, что сумею выполнить свое дело. Когда-то мы вместе сражались наемниками, я помню, что ты неплохо владеешь мечом.

- Большинство узников отлично владеют мечами, - сказал Луко. - Мы только и ждем случая, чтобы испробовать наши лезвия на этих кхитайских бандитах.

- Ты имеешь шанс. Вот ключи от камер, возьми их и освободи своих людей. Коридор увенчен оружием, так что будет чем снарядиться. Отомсти за свои страдания и освободи королеву Аквилонии! - Он улыбнулся пораженному Луко. Теперь ты знаешь, почему я здесь. Ты найдешь союзников и среди толпы во дворе. Действуй быстро!

Конан снова двинулся в путь, подобно охотящейся пантере. Луко начал

освобождать друзей, и скоро уже все они были до зубов вооружены. .

- Клянусь Митрой! - прошептал Луко. - Варвар сошел с ума! Совершить такое путешествие, чтобы освободить женщину!

Но восхищение горело в его глазах, когда он смотрел в темную пасть коридора.

ГЛАВА 10. КОНЕЦ КОЛДУНА

Большой зал с высоким потолком открылся в конце сырого каменного коридора. Пыль на каменных плитах не была тронута человеческими следами. В воздухе стояла угрожающая тишина. Потолок скрывался во тьме. Конан осторожно направился к другому, выходившему из зала, коридору, как вдруг раздался грохот, сотрясший воздух; звук усиливался эхом от стен и сопровождался отвратительным визгом, от которого леденела кровь.

Рассекая воздух могучими крыльями, из тьмы ринулось сверхъестественное существо. Подобно нападающему ястребу, оно устремилось к Конану. Варвар бросился в сторону, еле успев избежать когтистых лап монстра. Меч в его руке описал дугу. Крылатое чудовище, потерпев неудачу, взмыло вверх. Одна его лапа, отсеченная по локоть, шлепнулась на пол, орошая плиты вонючей жидкостью. Монстр с ужасным криком снова ринулся на киммерийца. Конан стоял твердо. Он знал, что у него только один шанс уцелеть - поразить важнейший жизненный орган чудовища. Даже раненое, оно могло разорвать варвара на куски. Без сомнения, именно это существо унесло Зенобию месяцы назад. Монстр, распластав крылья, вновь устремился в атаку. В последний момент Конан увернулся от когтей уцелевшей лапы и вложил всю свою силу в великолепный удар. Лезвие разорвало черное тело, выйдя через спину. Захлебнувшись кровью, монстр упал. Конан выдернул меч и вытер его о тело чудовища. Потные волосы киммерийца, откинутые назад, были мокры от крови летающего убийцы.

Ужасный огонь неугасимо горел в глазах варвара, когда он шагнул к другому коридору; за спиной в луже коричневой крови лежало крылатое страшилище, устремив слепые мёртвые глаза в темноту, откуда оно пришло в этот мир.

Коридор, по которому шел Конан, был широк и прям. Через некоторое время в каменной стене он увидел дверь. Загадочные кхитайские иероглифы покрывали ее поверхность. Это, похоже, и был вход в туннель смерти, ведший в личные покои Ях Чанга. За дверью Конан найдет своего врага. Глаза варвара свирепо блеснули в темноте, а рука с огромной силой скала рукоять меча. Внезапно вспыхнул яркий свет. Красное пламя

поднималось от пола и адских стен. Его пляшущие языки достигли потолка, а затем устремились к Конану испепеляющей голубой струей. Лицо и руки варвара обдало нестерпимым жаром. Одежда начала тлеть. Пот заструился по лицу, Киммериец смахнул ладонью пот и неожиданно оцарапал кожу на лбу. Кольцо! Он опять забыл о нем. А ведь сейчас, пожалуй, самый подходящий миг, чтобы все могущество кольца противопоставить силе желтого колдуна!

Конан резко погрузил свою руку в пламя. Раздался грохот тысячи лопнувших струн. Пламя медленно опустилось на пол, звеня, как осколки битого стекла. Языки огня прекратили свою пляску. Конан прыгнул и ударил в дверь. Его рука с кольцом власти была поднята и вытянута вперед.

На холодном каменном алтаре лежало распростертое тело Зенобии. Ее руки были прикованы к алтарю, а от ног к кольцу в полу тянулась толстая цепь. Мучитель стоял подле стола, заваленного странными инструментами и свитками пергамента. Борода колдуна нечесанными ключьями торчала из-под капюшона. Потолок комнаты был столь высок, что Зенобия не видела его. В душе она едва не рыдала от отчаяния, но за все долгие месяцы плена, повинуясь жесткому самоконтролю, она не проронила ни слезинки. Зенобия ждала Конана, своего супруга, ее сердце горело желанием увидеть его. Ях Чанг как-то раз рассказал ей, что Конан в одиночку отправился искать ее. Теперь ее возлюбленный супруг мог лежать мертвым в Турской степи или быть захваченным и убитым химелийскими горцами. Много сильных людей Востока желали его смерти...

Сегодня в полдень помощники желтого колдуна явились к ней в камеру и препроводили в покой Ях Чанга. Они приковали Зенобию к ужасному алтарю, и она осталась наедине с кхитайским магом. Он не обращал на нее никакого внимания, лишь читал пухлый том и что-то бормотал про себя - по-видимому, готовил ей ужасную участь. Наконец, все было решено. Колдун приблизился к Зенобии. В руках у него сверкал кривой нож, на котором были выгравированы таинственные символы. Лицо колдуна дышало злой радостью. Отчаявшись, королева начала прощаться с жизнью и поручила свою душу Митре.

Внезапно тяжелая каменная дверь обрушилась внутрь комнаты и с грохотом разлетелась на куски. Штурмовым облаком поднялась пыль. В открывшемся проеме стоял мускулистый гигант с откинутыми черными волосами, голубые глаза его горели царственным гневом. Свет играл на лезвии меча. Сердце Зенобии было готово вырваться из груди, она зарыдала от радости. Он пришел в последний момент! Ее возлюбленный! Ее Конан!

Варвар, не проронив ни звука, с ужасной, свирепой решимостью устремился к желтому колдунау. Он даже не заметил Зенобии, распростертой на жертвеннике. И тогда, отчаянным усилием высвободив руки из оков, Зенобия приподнялась на алтаре и предстала перед мужем. Конан с рычанием бросился вперед, и тут перед ним возник скелет в темно-золотой одежде. Костлявая рука схватила варвара за запястье. Мощным ударом Конан разрубил своего врага, разнеся его на тысячи кусочков. Внезапно он почувствовал жжение на среднем пальце. Палец пылал, как в огне. Магическое кольцо сияло сверхъестественным голубым светом, причиняя жгучую боль. С шипением киммериец сорвал кольцо и бросил на пол. В воздухе раздался злой смех Ях Чанга. Кхитайский маг стоял, подняв руки над головой. Его высохшие губы непрерывно двигались, и свет факелов начал меркнуть. Конан стоял, опустив отяжелевшую голову, еще не оправившись от пережитого болевого шока. Полный апатии, он видел, как от пола вокруг него поднимается голубой туман. Медленно сгущаясь, он заключил киммерийца в свои тусклые объятия. Хотя голова наконец-то прояснилась, Конан с ног до головы был окутан туманом. Он попытался сделать шаг - и не смог. Не хватало сил пошевелить даже пальцем. Воздух с трудом вырывался из легких, пот струился по лицу. Туман сгущался все сильнее. Теперь в нем начали пропасть объемные картины. Варвар увидел старых друзей и огненных женщин, рыцарей на лошадях, одетых в золото королей. Затем эти образы превратились в старых врагов, а тех, в свою очередь, сменили чудовища. Все монстры, которые были убиты им, проходили перед глазами Конана, приближаясь все ближе и ближе. Их страшные руки тянулись к горлу, их сверкающие взгляды высасывали душу из тела. Конан ужаснулся. Мускулы вздулись узлами, пытаясь вернуть телу способность передвигаться, но сила была на стороне тумана. Мозг сдавил тяжелый, обжигающий обруч, и тогда Конан понял, что проиграл. Зло восторжествует над миром, несмотря на все его усилия. Бессмертная душа варвара будет низвергнута в ад, в черную вечность. Он чувствовал, как последние проблески сознания покидают его и ускользают из-под контроля. Затем на фоне бездонной черной бездны киммериец вдруг увидел темного и мрачного человека в серой броне, стоявшего у трона. На троне сидел черноволосый король, высокий и угрюмый, и его черные глаза гневно горели на аскетичном и безжалостном лице. Голос этого короля проник в мозг Конана.

- Человек из Киммерии! Ты - сын Крома, и он не позволит тебе страдать в вечной бездне! Ты всегда был верен ему в своем сердце, и черное искусство Востока не получит твою душу!

Мрачные глаза бога сверкнули. Он взмахнул своей мощной рукой, и свет заполнил комнату. Вместе со светом Конан почувствовал, как в его тело возвращается прежняя сила. Голубой туман ослабел и растаял. Монстры пускали слюну от бешенства. Король Аквилонии сделал шаг вперед. Ужас появился в глазах Ях Чанга;

стиснув в руке жертвенный нож, он замахнулся. Над потрясенной Зенобией пронесся вихрь - и тело колдуна упало на пол с сухим стуком сломанной ветки. Это Конан тигриным прыжком взметнулся над алтарем. Ужасным шепотом киммериец произнес:

- Твой последний миг настал, желтая собака! Боги осудили тебя, и твои черные чары разрушены! - и Конан продолжал, не обращая внимания на жалкое бормотание Ях Чанга: - Ты слышишь возгласы и шум? Ты видишь это пламя? Твои мечники перерезаны пленными из подземелья и людьми из Пакчанга! Твоя кровавая империя превратилась в руины! В черный ад посылаю я тебя, шакал, можешь гнить там навеки!

Мускулы Конана вздулись, послышался треск, и киммериец поднялся над неподвижным телом. Его рубашка изодралась в клочья, грудь и спина были в царапинах, а брови опалены. Варвар прошел к алтарю, нагнулся и, прилагая неимоверное усилие, выдернул кольцо из пола.

Победоносные крики доносились через дверь. Король заключил свою королеву в жаркие объятия. В эту ночь, второй раз за последние двадцать лет, Конан принес жертву Крому, богу черноволосой киммёрийской расы.

ЭПИЛОГ

В обширной, покрытой золотистой травой степи неподвижно застыли два всадника.

Один из них был гигантом, одетым в черные доспехи. Стальной шлем покрывал его голову, а к поясу был привешен длинный прямой меч.

Другой - тонкая, изящная женщина в одежде восточных кочевников. Она держала в руке китайский лук. Перед ними в лужах крови лежали два неподвижных тела; их остроконечные тюрбаны были окутаны цветастым материалом. Небольшое облачко на востоке указывало, в какую сторону сбежали их лошади.

- Опять туранцы, Зенобия! - проговорил закованый в доспехи гигант. Скверно, что наши лошади утомлены длительным переходом. Еще хуже, что один из этих мерзавцев убежал.

- Нам нельзя медлить, - раздался в ответ звонкий голос женщины. - Надо ехать как можно быстрее. Кто знает, может, у нас есть шанс вывернуться.

Конан пожал своими широкими плечами. Короткий отдых оживил

животных, сразу перешедших на галоп. Они двинулись на запад, где вдалеке вырисовывалась цепь гор.

- Ты не знаешь туранцев? - произнес Конан. - Они похожи на стаю охотящихся собак. Будут преследовать, пока не перебьешь всех.

- Но, возможно, их главные силы далеко, и мы успеем проскочить.

- Сомневаюсь. Туранцы никогда не отъезжают далеко от своих основных сил. Я изучил их трюки, когда служил солдатом в туранской армии. Они держатся вместе, а когда находят цель, рассыпаются цепью и берут жертву в кольцо. Проклятая судьба! Пройти такой путь и пропасть ни за что недалеко от собственной границы!

Лошади начали спотыкаться. Конан сильно потянул поводья. Подняв руку к глазам, он взглянул на восток. У горизонта поднималось пыльное облако. Вспышки металла рябили в глазах, а земля дрожала от тысячи копыт. Конан остановился и выхватил из ножен меч. Улыбка раздвинула его губы. Зенобия посмотрела на него с любовью и преданностью. Если это его последний бой - что должно было рано или поздно случиться, - он не посрамит ореола славы, созданного вокруг его имени. Глаза короля Аквилонии вспыхнули боевым огнем, а пальцы с ужасной силой стиснули рукоять меча.

Пыльное облако приближалось с каждым ударом их сердец. Теперь они могли видеть длинную цепь всадников, скучающих справа и слева. В центре можно было различить наездника, закованного в позолоченные доспехи, рядом с ним виднелась небольшая фигура в шелковых одеждах. Конан приподнялся в седле и всмотрелся в приближавшихся врагов. Из его стиснутых губ вырвалось проклятие. Зенобия приготовила лук и наложила на тетиву стрелу. Она вопросительно взглянула на Короля:

- Кто это?

- Это она, дьявольская Тэнери! - прорычал Конан. - Наш крылатый недруг спас ее в Зулази, и она опять принялась ставить мне ловушки!

Всадники теперь находились достаточно близко, чтобы можно было услышать их громкие боевые крики. Они накатывались блестящей волной; земля сотрясалась, от грохота тяжелых копыт. Конан нагнулся и приготовился к схватке.

Внезапно стремительная атака туранцев замедлилась. Лошади некоторых встали на дыбы, боевая линия сломалась. Конан обернулся и понял причину этого странного явления.

Солнце отражалось от тысячи шлемов, копий и мечей. Неудержимой лавиной четыре тысячи гиборийских рыцарей неслись на опешивших туранцев; знамя Аквилонии вздыпалось над их рядами.

Волна рыцарей разделилась вокруг Конана и королевы и стремительно обрушилась на туранцев. Враги столкнулись. Рыцари Аквилонии выглядели среди туранцев тиграми. Загоревшись битвой, Конан бросился в самую гущу. Его меч с треском опустился на туранского всадника, разрубив его до седла. Неудержимый, точно пламя, король Аквилонии продвигался дальше. Его конь топтал врагов, а сверкающий меч прорубал между ними дорогу смерти. Он ударили целившегося в него стрелка и сбросил его на землю, будто выпотрошенную куклу. И тут он лоб в лоб столкнулся с Ардаширом.

- Вот мы и встретились снова, варварский пес, - прорычал высокий человек, закованый в позолоченные доспехи. - Твоя голова будет выставлена на стене замка госпожи Тэнери!

- Я вижу, что последствия моего, удара оказались на твоих умственных способностях, - засмеялся Конан, с легкостью отражая насекок. - Ты подходящий товарищ вероломной потаскушке. Ступай же в ад!

Его меч обрушился с ужасной силой и быстротой. Ардашир недостаточно четко парировал удар. Тяжелая сталь прошла сквозь броню и проникла в его тело. Туранский офицер, разрубленный почти надвое, упал на землю.

Конан приостановил коня и осмотрелся. Земля была усеяна мертвыми телами в остроконечных шлемах и мешковатых штанах. Хотя аквилонцы имели некоторые потери, их даже нельзя было сравнивать с пятью тысячами мертвых туранцев, покрывавших степь. Группы западных рыцарей, поблескивая доспехами, спешили к участкам, где еще кипел бой. Уцелевшие туранцы бросали оружие и просили пощады, за исключением немногих, которые все же успели вырваться из боя и теперь уже скрывались за горизонтом,

Конан улыбнулся и начал оглядываться в поисках Зенобии.

Только молниеносная реакция варвара спасла его. Стрела просвистела в воздухе. В последний момент боковым зрением он уловил движение поднятого лука и бросился в сторону. На расстоянии тридцати футов от него стояла Тэнери, Промах разъярил ее не на шутку, и она тотчас наложила на тетиву новую стрелу. Туго натянув лук, авантюристка уже приготовилась наверняка поразить цель, но тут звенящая стрела впилась в ее грудь. Раскинув руки, Тэнери медленно сползла с седла. Зенобия остановила лошадь рядом с Конаном и с презрением глянула вниз, явно гордясь своим метким выстрелом.

- Ни один человек не имеет лучшей жены, ни один король - лучшей королевы, - прошептал Конан, пересаживая ее к себе в седло.

Сражение было закончено. Два рыцаря в пыльных одеждах подъехали

к королю, поднимая забрала и склоняясь перед ним.

- Просперо! Троцеро! - пыль столбом взвилась во все стороны, с такой силой руки Конана опустились на закованные в сталь плечи. - Вы пришли в самое время, иначе эти собаки превратили бы нас в жаркое! Как вы догадались? Я все еще не верю своим глазам!

Просперо улыбнулся и, не отводя взгляда, ответил:

- Пелиас направил нас, С того времени, как ты уехал, я часто посещал его. Он с помощью магии увидел твою победу и предсказал время возвращения. Он предвидел, что ты будешь атакован у границы, и мы поспешили к тебе на помощь. Но потеряли много времени на дорогу - и это счастье, что успели вовремя!

- А что с нашим королевством, Троцеро?!

- Сир, люди надеются и ждут вашего возвращения. Пока мы ехали к вам на подмогу, многие громогласно Молились за вас. В стране царит мир, и ни один враг не осмелился угрожать нашим пределам. Урожай обилен, земля никогда не была такой щедрой. Ваше благополучное возвращение вселяет в наши сердца радость!

- Хорошо говоришь, мой друг! Но кто это приближается к нам? Черт меня подери, если это не Пелиас?!

Это был действительно маг, высокий, тонкий и седовласый, с улыбкой на губах, в разевающейся шелковой мантии.

- Со счастливым возвращением, король Конан! - воскликнул он с неподдельной радостью. - Много лун прошло с того времени, как мы сидели в моем замке. Ты освободил мир от алчного чудовища, счастливые дни лежат перед нами!

- Я очень благодарен тебе, Пелиас, за твою своевременную помощь и за эту игрушку, - Конан вытащил из мешочка кольцо Ракхамона. - Возьми назад. Надеюсь, мне никогда больше не придется употреблять его вновь.

Он еще раз окинул взглядом кровавое поле битвы. Затем тронул коня и двинулся на запад, возглавляя колонну рыцарей.

Вполголоса он прошептал Просперо, ехавшему рядом с ним:

- Послушай, моя глотка пересохла, как цветы в аду, от всех этих разговоров! Есть ли в твоей фляжке немного вина?